

A movie poster for the film 'Каталог потерянных дней' (Catalog of Lost Days). The central figure is actress Anna Lunceva, dressed in a dark, patterned gown with a rich red velvet cape. She holds a white envelope in her left hand and a glowing tuning fork in her right. The background is a fantastical, dark blue and black scene. On the left, a man in a dark coat stands behind a wall of small, numbered drawers. To the right, a train with glowing windows and starry patterns on its side recedes into the distance. The sky is filled with a large, glowing blue moon, stars, and a distant, illuminated cityscape. The title 'КАТАЛОГ ПОТЕРЯННЫХ ДНЕЙ' is written in a large, ornate, serif font, framed by a decorative starburst and crescent moon motif.

КАТАЛОГ ПОТЕРЯННЫХ ДНЕЙ

АННА ЛУНЦЕВА

Анна Лунцева

Каталог потерянных дней

<https://litres.ru/74443063>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мира Вейна поёт в Пограничном хоре, и её голос удерживает швы между мирами. Однажды в знакомой партии возникает чужой куплет — и город теряет целый вторник. Следом прибывает ночной поезд с письмом, написанным рукой Миры семнадцать лет спустя.

Почтовый инспектор Ян Север знает будущее, в котором они любили друг друга семь лет. Но он отказывается читать за Миру её письмо и требовать повторения общей жизни. Вместе им предстоит выяснить, кто превращает вероятные послания в обязательную судьбу и почему каждый «спасённый» день лишает людей права передумать.

Чтобы вернуть городу память и выбор, Мире придётся поставить на кон самое дорогое — не голос, а возможность однажды замолчать по собственной воле.

Содержание

От автора	4
Глава 1. Лишний куплет	6
Глава 2. Письмо с завтрашней датой	12
Глава 3. Колокол без удара	28
Глава 4. Инспектор, которого ещё нет	47
Глава 5. Каталожная карточка	65
Глава 6. Право не читать	80
Межчасть I. Карточка вторника	95
Глава 7. Билет без станции	98
Глава 8. Вагоны черновики	113
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Анна Лунцева

Каталог потерянных дней

От автора

Мы часто думаем о несказанных словах как о потерях: не отправили письмо, не попросили остаться, не нашли вовремя правильный ответ. Но право человека на собственную историю состоит не только в возможности говорить. В него входит пауза, отказ, передуманный план и решение оставить страницу чистой.

Это роман о голосе, который способен удерживать миры и всё же не должен принадлежать миру целиком. О будущем, чья привлекательность не делает его обязательным. И о близости, которая начинается не с обещания знать другого заранее, а с готовности услышать сегодняшний выбор.

Пусть в этой истории музыка звучит там, где она нужна, а тишина не требует оправдания.

Здесь будущее приходит не как пророчество, а как письмо, которое ещё можно не принять. Героям приходится различать предупреждение и приказ, заботу и контроль, память и доказательство. Их решения не отменяют цену ошибок и не обещают мира без риска. Они лишь возвращают каждому его часть ответственности — не больше и не меньше.

Эту книгу можно читать как историю о фантастическом городе, ночном маршруте и песне на границе миров. Но её главный путь проходит ближе: между чужой уверенностью и собственным ответом, между желанием спасти и готовностью спросить, между последним сказанным словом и первой свободной паузой после него.

Глава 1. Лишний куплет

Во вторник вечером я спела слова, которых не знала.

Сначала мне показалось, что ошибся тенор. Пограничный хор держал третий шов над рекой, где фонари отражались на миг раньше, чем зажигались. Мужские голоса называли случившееся, женские отвечали возможным.

— Камень лежит.

— Камень мог упасть.

— Дверь закрыта.

— Дверь могла открыться.

А потом из-за моего плеча донеслось:

— Письмо уже написано.

Я повернула голову к Асе Нор. Дирижёр не остановила хор. Левая рука держала ритм, правая показывала мне вход.

— Письмо может быть написано, — пропела я, исправляя утверждение.

Голос вышел ровным. Пятнадцать лет службы научили меня петь во время пожара и рядом с человеком, забывшим собственное имя. Ровный голос ещё не означал, что всё в порядке.

Над рекой разошлись золотые отражения. Между ними открылась узкая темнота — отсутствие выбранного мира. В ней зажглись два красных огня. Железный лязг прокатился под водой. Поезд шёл там, где не было рельсов.

Чужая нота возникла у меня внутри зубов: низкое ми и ход на полтона вниз, запрещённое разрешение Ночной почты.

Я закрыла рот.

Звук продолжился моим голосом.

— Адресат прочитал. День доставлен.

Публика на набережной ничего не поняла. Люди придер- живали зонты и ждали финального аккорда. Хор заметил подмену: сопрано сбилось, бас выругался между нотами. Ася ударила по аварийной пластине.

Каждый певец должен был назвать своё настоящее — имя, место и ощущение тела. Личные факты не позволяли Сторо- не Возможного подставить готовую строку.

— Дален Ор, набережная, холод в правой ладони.

— Ния Рем, третий шов, мокрые волосы.

Очередь дошла до меня.

— Мира Вейна. Набережная Ладомира. Камень под левой пяткой. Я прошу...

Слова исчезли.

Я знала, чего хочу: попросить сестру Раду дожидаться ме- ня после концерта. Но между желанием и речью не осталось дороги.

Красные огни приблизились.

— Рада ждёт меня после концерта, — сказала я вместо просьбы.

Фраза принадлежала мне. Я повторила её на ноте чужого

куплета. Альты подхватили высоту без текста, теноры вернули письмо в возможность, басы назвали границу:

— Написанное имеет автора.

Поезд остановился под рекой. Ася показала мне четыре счёта удерживать ноту. Но чужой куплет ждал продолжения — адреса, даты, исхода.

Я оборвала звук.

Тишина ударила сильнее хора.

Один счёт река оставалась без границы. На втором Ася опустила руки и не заполнила мою паузу. На третьем замолчали теноры. На четвёртом поезд мог войти, уйти или никогда не оказаться под рекой.

Красные огни погасли.

Мы начали финальную строфу заново:

— Этот вечер случился.

— Другой остаётся возможным.

Шов закрылся. Публика услышала разрешение и зааплодировала.

Ася не позволила хору уйти.

— Никому не разговаривать. Мира, ко мне.

Она посветила резонатором мне в рот.

— Скажи: «Дай воды».

Я могла произнести «вода», описать сухое горло и стакан у пюльта. Повелительное движение к другому человеку не складывалось.

— Мне нужна вода.

— Попроси остановить осмотр.

— Я не хочу продолжать осмотр.

— Мира.

— Я не могу попросить.

Ася побледнела.

— Временная цена. До рассвета. Не пой снова и не читай текст, если увидишь.

— Ты знала строку?

— Нет.

Она солгала слишком быстро — пропустила долю перед ответом. Ася узнала куплет раньше разрыва.

Просьба всегда казалась мне слабой формой речи: она зависела от чужого согласия. Теперь я поняла, что именно поэтому её нельзя вложить в рот как приказ.

Рада прорвалась за ограждение с сумкой колокольных ключей на плече.

— Что произошло?

— Третий шов принял почтовую ноту. До утра я не могу просить.

— Почему чужой текст попал в её партию? — спросила она Асю.

— Управление хора и Ночная почта проверяют.

— То есть пропустившие поезд проверяют себя сами.

Я коснулась сестриноного запястья.

— Не сегодня.

— Ты приказываешь или сообщаешь?

— Сообщаю свой предел.

Рада кивнула. Она никогда не считала моё молчание согласием.

По дороге к вокзалу я спросила:

— Лета дома?

— У неё завтра прослушивание.

— В среду?

Рада остановилась.

— Завтра четверг. Сегодня среда.

— Сегодня вторник.

Я указала на афишу: «Вторник, двадцать первое». Рада назвала это типографской ошибкой, но не смогла ответить, что делала сегодня.

В карманном календаре после понедельника сразу шла среда. Лист не вырывали. На обороте понедельника остался слабый след чернил, словно вторник когда-то лежал сверху.

Мы побежали на вокзал. В табличке дежурств тоже не было вторника, однако Рада помнила настройку южного колокола. Она приложила к нему вилку. Металл ответил ударом, которого не существовало в календаре. Под основным тоном дрожал стук колёс и мой лишний куплет.

— Здесь остался звук вторника, — сказала я.

В зал вошла семнадцатилетняя Лета с папкой нот.

— Как прошло сегодняшнее занятие? — спросила Рада.

— Сегодня вторник. Прослушивание послезавтра.

В её календаре день был на месте. На странице она нари-

совала три ноты без слов. Третья уходила на полтона вниз — почтовое разрешение.

— Я слышала её ночью во сне, — объяснила Лета.

— Никому не играй, — велела Рада.

Я хотела попросить племянницу довериться нам, но получилось только:

— Убери флейту.

Лета отступила.

— Не говори со мной как Ася с хором.

Потерянная просьба не снимала с меня ответственности за приказ.

— Чужая песня забрала у меня способность просить. Я не нашла безопасных слов. Ты решаешь, убирать ли флейту. Но повтор ноты может привести поезд.

Лета закрыла футляр.

— Так лучше.

Главные часы дали десять ударов. Под перроном ответил металлический стук. По расписанию поездов больше не было.

Из щели закрытой почтовой кассы выскользнул белый конверт. Он прошёл по полу и остановился у моих ног.

На лицевой стороне моим почерком было написано:

Мире Вейне. Вручить во вторник, которого она не помнит.

Под именем стояла дата через семнадцать лет.

Глава 2. Письмо с завтрашней датой

Конверт лежал у моих ботинок так спокойно, словно не приехал из времени, которого ещё не было.

Рада первой потянулась к нему. Я перехватила её за запястье.

— Не трогай.

— Ты знаешь, что внутри?

Я покачала головой.

Бумага казалась обычной: плотной, чуть серой, с неровным краем ручной выделки. Но стационарные лампы отражались на ней с опозданием. Свет касался конверта, исчезал, а потом проступал снова тонкой серебряной каймой. Такие задержки появлялись возле шва, когда возможное слишком долго притворялось случившимся.

Лета присела на корточки в двух шагах от письма.

— Это точно твой почерк?

— Мой.

Я узнала не только наклон букв. У «М» первая линия всегда выходила короче остальных: в детстве Рада учила меня писать за кухонным столом, и я боялась задеть локтем её чашку. Со временем привычка осталась. В слове «вручить» я, как всегда, слишком близко поставила «ч» и «и». Подде-

лать можно было форму. Невозможно было подделать память руки, если подделывающий о ней не знал.

— Через семнадцать лет ты будешь писать теми же чернилами? — спросила Рада.

— Через семнадцать лет я, возможно, не буду писать вообще.

После чужого куплета это прозвучало не как предположение, а как угроза.

Из служебного коридора донеслись шаги. Несколько человек шли в одном ритме, и один человек — между их шагами, будто не хотел попадать в общее расписание.

В зал вошёл Орен Даль, начальник городской службы сохранения. Серебряная застёжка на воротнике обозначала право закрывать швы без решения хора. За ним двигались двое стражей и почтовая дознавательница с пустой сумкой для улики.

Орен увидел конверт и сразу надел перчатки.

— Всем отойти.

Я не сдвинулась.

— Он адресован мне.

— Именно поэтому вы должны отойти, госпожа Вейна. Сегодня ваш голос провёл неучтённый состав под третьим швом.

— Мой голос остановил состав.

— После того как вызвал его.

Рада встала рядом со мной.

— Чужой текст вызвал поезд. Мира первой его оборвала.

— Это установит дознание.

Орен говорил без нажима. Так говорят люди, которым редко приходится повышать голос: приказ уже живёт в знаках на их воротнике и в чужой привычке повиноваться.

Он указал дознавательнице на конверт.

— В изолятор. Вскрытие при мне.

Женщина сделала шаг. Письмо тихо щёлкнуло, как остывающий рельс.

Из-под закрытой кассы вышла тень.

Сначала она легла поперёк пола, длинная и слишком резкая для рассеянного света. Потом в тени появился человек — будто станция не впустила его через дверь, а проявила из другого слоя. Тёмное пальто было застёгнуто до горла. На левом рукаве серебрились три узкие полосы, незнакомые мне, но похожие на старые почтовые маршруты. Мужчина держал латунный компостер и смотрел не на нас, а на письмо.

— Не вскрывать, — сказал он.

Орен медленно повернулся.

— Назовитесь.

— Ян Север. Инспектор Ночной почты, отдел недоставленных вероятностей.

— Такого отдела нет.

— Ещё нет.

Лета шумно втянула воздух. Рада закрыла её собой, хотя незнакомец стоял далеко.

Ян поднял руки, показывая, что в них нет оружия. На правом запястье темнел круглый след от ожога. На пальцах — чернильные пятна, вьевшиеся в кожу. Ему можно было дать около тридцати семи. Взгляд серых глаз задержался на мне на долю дольше, чем требовалось для опознания адресата.

Не удивление. Не любопытство.

Узнавание.

Я почувствовала его прежде, чем успела испугаться.

— Мы знакомы? — спросила я.

Он перевёл взгляд на моё горло, словно проверил, могу ли я говорить, и только потом ответил:

— Для вас — нет.

— А для вас?

— Этот вопрос относится к будущему делу.

Орен протянул стражу ладонь. Тот вложил в неё короткий резонатор.

— Вы появились из охраняемой кассы, назвали несуществующую должность и препятствуете изъятию опасного предмета. Ещё раз: кто вы?

Ян положил компостер на пол. Не бросил — наклонился и осторожно поставил, чтобы металл не ударил по камню.

— Инспектор Север, личный номер семь-семнадцать. Дата выдачи удостоверения — через двенадцать лет. Дата отправки — сегодняшняя среда. Дата прибытия — утраченный вторник.

— Сегодня среда, — сказала Рада.

— Для города. Не для состава.

Он расстегнул верхнюю пуговицу пальто и достал прозрачную пластину. На ней не было ни портрета, ни печати. Только имя и тонкая борозда, похожая на звуковую дорожку.

Орен поднёс резонатор. Пластина запела моим голосом:

— Подлинность не установлена. Предъявитель прибыл из вероятного будущего. Не считать его полномочия обязательными до добровольного подтверждения настоящим.

Я отшатнулась.

Фраза была произнесена моим тембром, но не мной нынешней. Голос звучал старше, шероховатее и спокойнее. В нём не было чужого куплета. И всё же услышать собственные будущие связки оказалось почти так же страшно, как обнаружить письмо собственным почерком.

Ян сразу убрал пластину.

— Простите. Иного удостоверения у меня нет.

Он извинился не за доказательство, а за то, что воспользовался моим голосом без предупреждения.

— Вы получили разрешение на эту запись? — спросила я.

— Да.

— От меня?

Его лицо осталось неподвижным, но большой палец накрыл край пластины, как накрывают чужую подпись.

— От Миры Вейны, которая сделала запись добровольно. Это всё, что я вправе подтвердить вам сейчас.

Орен усмехнулся.

— Удобно. Свидетель ссылается на согласие человека, которого ещё нет.

— Именно поэтому я не прошу верить моим полномочиям, — сказал Ян. — Я требую соблюдать действующий почтовый запрет.

— Какой?

— Письмо, отправленное до момента добровольного написания, не принадлежит почте. Оно остаётся вероятностью автора. Его нельзя читать, копировать, изымать содержание или превращать в основание для решения.

— На конверте есть адресат.

— Адресат может согласиться принять бумагу. Это не даёт согласия будущего автора сделать слова существующими.

— Автор и адресат — один человек, — вмешалась Рада.

— Разделённый семнадцатью годами. Ни одна из них не может молча решить за другую.

Последние слова задели меня сильнее, чем должны были. Ян говорил обо мне во множественном числе не как о загадке времени, а как о двух людях с отдельными границами.

Орен надел вторую перчатку.

— В городе исчез день. Госпожа Вейна потеряла часть речи. Под рекой прошёл неучтённый поезд. Я не оставляю единственную улику на полу из уважения к гипотетическим правам.

— Это не уважение, — ответил Ян. — Это техника безопасности. Если вы вскрыете письмо, текст станет случив-

шимся. Не потому, что он правдив, а потому, что вы назначите его доказательством.

— И что произойдёт?

— Зависит от содержания.

— Которое вы предлагаете не узнавать.

— Предлагаю исследовать конверт, маршрут, дату, бумагу и почтовый ритм. Без текста.

Дознавательница посмотрела на Орена. В её пустой сумке звякнули застёжки.

— Такой порядок существует для запечатанных завещаний, — осторожно сказала она. — Можно снять наружный отзвук.

— Для писем из будущего порядка нет, — отрезал Орен.

— Значит, нельзя начинать с необратимого действия, — сказала Рада.

— Я отвечаю за город, госпожа Вейна.

— А я — за колокола, которые до сих пор помнят украденный день. Если вскрытие усилит поезд, ваши стражи его не заглушат.

Орен посмотрел на меня.

— Вы согласны на вскрытие?

Вопрос оказался ловушкой не хуже приказа. Я могла согласиться. Могла отказать. Но письмо написал человек, которым я ещё не стала, и моё нынешнее любопытство не давало мне права назначить её слова неизбежными.

— Нет.

— Тогда я изымаю его как угрозу независимо от вашего согласия.

Я хотела попросить его подождать до рассвета, когда ко мне вернутся все формы речи. Вместо этого сказала:

— Подождите.

Слово вышло слишком твёрдым. Орен услышал приказ и нахмурился.

Ян не двинулся на помощь. Не закончил мою фразу. Просто ждал.

— Я не умею сейчас просить, — пояснила я. — Чужая песня отняла эту часть речи. Поэтому мои короткие фразы могут звучать как распоряжения. Я сообщаю вам свой выбор: письмо не вскрывать.

Орен снял очки и протёр их краем перчатки.

— Вы понимаете, что в письме может быть имя виновного?

— Понимаю.

— Или способ вернуть вторник?

— Понимаю.

— Или предупреждение о смерти?

На последнем слове его голос едва заметно изменился. Не дрогнул — стал суше, словно смерть для него была не возможностью, а старой записью, которую нельзя стереть.

— Чужой страх не должен писать моё решение, — ответила я.

Он снова надел очки.

— Зафиксируйте отказ адресата содействовать службе сохранения.

— Зафиксируйте полностью, — сказала дознавательница. — Адресат отказалась от вскрытия вероятного письма до установления безопасной процедуры.

Орен посмотрел на неё так, будто впервые заметил в зале.

— Имя?

— Вета Соль. Ночная почта, временный каталожный архив.

Так я познакомилась с Ветой: она исправила чужую формулировку раньше, чем представилась мне.

Орен протянул руку к конверту.

Ян наступил на собственный компостер.

Латунные челюсти сомкнулись. По залу прошёл короткий аккорд — две ноты, между которыми не было разрешения. Свет в окнах погас, хотя стационарные лампы продолжали гореть. На стекле проступили тёмные поля, а за ними — тот же зал, только пустой и занесённый серой пылью.

Письмо исчезло с пола.

Орен отдёрнул руку.

— Что вы сделали?

— Перевёл отправление на границу выдачи. Пока спор не разрешён, оно не находится ни у адресата, ни у службы.

— Верните.

— Не могу единолично. Теперь нужны три подтверждения: адресата, независимого хранителя и станции отправки.

— Вы уничтожили улику.

— Нет. Я сделал её недоступной для всех нас, включая себя.

В пустом отражении зала лежал конверт. Рядом с ним на скамье темнела забытая перчатка, которой в нашем зале не было. Часы показывали без четверти десять, хотя над нами стрелки уже миновали десять.

Лета подошла к окну.

— Это вторник?

— Его станция, — ответил Ян. — Не сам день.

— А где люди?

— Между решениями, которые им не дали принять.

Орен схватил компостер, но тот не оторвался от пола. Металл словно пустил корни в камень.

— Вы арестованы.

— Согласен оставаться здесь до проверки личности.

— Вы не в положении соглашаться.

— Это единственное положение, в котором согласие имеет смысл.

Один из стражей коротко улыбнулся и сразу опустил голову.

Орен велел оцепить зал. Раду, Лету и меня должны были отвести в разные комнаты для опроса. Вету оставили у окна снимать наружный отзвук письма. Ян не сопротивлялся, когда страж застегнул на его запястьях медную ленту. Только попросил — легко и точно, будто каждое слово сохраняло

возможность отказа:

— Госпожа Вейна, можно задать вам один вопрос до того, как нас разведут?

Я вздрогнула от самой формы. За вечер все чего-то хотели от меня: Ася требовала, Рада защищала, Орен проверял. Ян первым спросил так, что «нет» не разрушало разговор.

— Можно.

— Когда вы оборвали куплет, сколько счётов длилась пауза?

— Четыре.

Его плечи опустились. Он словно получил хорошую весть, которой боялся поверить.

— Значит, вы изменили маршрут.

— Какой маршрут был раньше?

— Я не могу ответить, не сделав его вероятнее.

— Вы всё время знаете больше, чем говорите.

— Да.

— И считаете это нравственным?

— Нет. Считаю это иногда менее опасным, чем говорить.

Страж потянул его к коридору. Ян пошёл, но у двери обернулся.

— Не пойте до рассвета. Даже если услышите собственный голос из окна.

— А если поезд вернётся?

— Тогда выбирайте паузу. Вы уже доказали, что она удерживает шов.

— Это просьба или приказ, инспектор?

В его лице впервые мелькнуло что-то похожее на улыбку

— усталую, почти забытую.

— Информация. Решение ваше.

Его увели.

Комната для опросов когда-то служила багажной. На стенах остались номера ячеек, на столе — круги от мокрых чемоданов. Мне дали бумагу и предложили записать всё, что произошло с начала концерта. Слово «предложили» выбрала Вета; Орен употребил «велели».

Я начала с чужой строки и закончила датой на конверте. Когда написала имя Яна, перо остановилось само.

На бумаге проступила вторая линия чернил, невидимая прежде:

Он снова пришёл слишком рано.

Я отёрнула руку. Фраза исчезла.

Я перечитала собственную запись. Ниже имени осталась пустая строка, но волокна бумаги были продавлены, словно кто-то писал с другой стороны.

Орен сидел напротив.

— Что вы увидели?

Я могла солгать. Могла сказать, что устала. Вместо этого перевернула лист и показала ему вдавленный след.

— Текст из возможного слоя. «Он снова пришёл слишком рано».

— Кто он?

— Не знаю.

— Север?

— Не знаю.

— Почему «снова»?

— Не знаю.

Орен постучал ногтем по столу.

— Ваш будущий почерк. Ваш будущий голос. Инспектор из будущего, который узнаёт вас. Слишком много совпадений вокруг одного человека.

— Вокруг меня?

— Именно.

— Тогда почему вы задаёте вопросы только о нём?

Орен убрал руку со стола.

— Потому что вы спасали этот город пятнадцать лет, а он появился десять минут назад.

В его ответе была не только подозрительность. Там жила почти болезненная вера в известное: если человек долго приносил пользу, он должен оставаться тем, кем его уже назначили. Мне захотелось спросить, что будет, если спаситель захочет перестать. Просьбы у меня не было, а вопрос остался.

— Если выяснится, что для сохранения города мне придётся петь без остановки, вы позволите мне отказаться?

Орен долго молчал.

— Мы найдём другой способ.

Это не было ответом.

Снаружи пробил южный колокол. Его основной тон прозвучал один раз, но в стенах отозвался второй удар — из утраченного вторника.

В пустых багажных ячейках зашелестела бумага.

Орен встал. Я тоже.

— Вы останетесь здесь.

— Нет.

— Это охраняемое помещение.

— И мой голос открыл маршрут. Я услышу его раньше ваших приборов.

— Вы не способны выполнять протокол.

— Я не способна просить. Слух у меня на месте.

За дверью крикнула Вета:

— Начальник, карточка!

Мы выбежали в зал.

На каталожном столе лежала новая карточка. Бумага была сухой, чернила — старыми. Вета держала руки на весу, не касаясь её.

В верхней строке стояло: Вейна, Мира. Письмо первое.

Ниже значились дата через семнадцать лет и время выдачи — утраченный вторник, без четверти десять.

В графе «инспектор» было имя Яна Севера.

В графе «результат доставки» кто-то вывел одно слово:

Отказалась.

— Значит, она его уже читала? — спросил Орен.

— Нет, — сказала Вета. — Карточка не подтверждает чте-

ние. Только отказ от доставки.

— Которого ещё не было.

— Для нас.

Я посмотрела в тёмное окно. В пустом отражении станции конверт по-прежнему лежал на полу. Теперь возле него стоял Ян — без пальто, с седыми волосами и тем же ожогом на запястье. Он смотрел прямо на меня через семнадцать лет и держал ладонь у стекла.

Я подняла свою.

Между нашими пальцами оставались два окна, потерянный вторник и вся жизнь, которую я ещё не выбрала.

Будущий Ян шевельнул губами.

Я не услышала слов, но поняла их по движению:

Не открывай.

За моей спиной нынешний Ян сказал то же самое.

Медная лента всё ещё стягивала его запястья. Стражи привели его обратно из коридора, потому что все двери станции разом вывели их к одному и тому же окну.

Он увидел своё отражение — старшего себя — и побледнел.

— Этого не должно быть, — произнёс он.

В окне будущий инспектор опустил руку. На его ладони чернела почтовая печать.

Такая же печать медленно проступала на запечатанном конверте.

Ян дёрнулся вперёд, насколько позволила лента.

— Теперь не только не вскрывайте. Не называйте вслух дату.

— Почему? — спросила я.

Он посмотрел на меня так, будто уже однажды не успел ответить.

— Потому что дата — это станция. А ваш голос умеет открывать путь.

Глава 3. Колокол без удара

К рассвету ко мне вернулось слово «пожалуйста».

Я проверила это в пустом станционном буфете, куда нас перевели после того, как все двери перестали выводить к окну потерянного вторника.

— Пожалуйста, налейте воды, — сказала я дежурной.

Она наполнила стакан и поставила его передо мной. Обыкновенное действие оказалось таким щедрым, что я несколько секунд держала воду обеими руками и не пила.

Просьба вернулась. Цена аварийной песни была уплачена полностью — на этот раз.

Ян сидел через два стола. Медную ленту с него сняли, но у дверей оставили стража. Орен не признал его полномочий и не смог предъявить обвинение: в городских законах ещё не существовало статьи за прибытие из вероятного будущего. Поэтому Ян получил статус «временно присутствующего доказательства» и право перемещаться в пределах вокзала.

Он не спал. Перед ним стояла нетронутая чашка, а на салфетке лежали три полоски бумаги. На первой он написал «письмо», на второй — «день», на третьей — «голос». Между словами оставил промежутки.

— Проверяете, не сложатся ли они в приговор? — спросила я.

— Проверяю порядок влияния.

— И какой он?

Ян перевернул полоски чистой стороной вверх.

— Пока любой ответ может стать подсказкой тому, кто отправил состав.

— Удобная профессия. Можно ничего не объяснять и называть это осторожностью.

— Неудобная. Люди всё равно додумывают объяснение, обычно самое страшное.

— Тогда дайте не самое страшное.

Он посмотрел на меня. За ночь я привыкла к тому, что его взгляд дважды сверяет расстояние: сначала между нами сейчас, потом — между мной и женщиной, которую он помнил.

— Потерянный день не уничтожен, — сказал Ян. — Если бы его не существовало ни в одном слое, письмо не могло бы выбрать его станцией. Но он отделён от последовательности. Как вагон, который отцепили, не остановив поезд.

— Можно вернуть?

— Не знаю, что именно вернётся вместе с ним.

— Это опять не ответ.

— Это единственный честный ответ.

В буфет вошла Рада. На плече у неё висел ремень с колокольными вилками, в руке — разрешение с тремя печатями.

— Южную башню открыли для проверки, — сказала она.

— На два часа. Потом Орен опечатает колокол.

— Почему только на два?

— Потому что Ася сообщила службе сохранения: повтор-

ный резонанс может вызвать поезд.

— Ася здесь?

— Исчезла после первого опроса. Хор распустила до пятницы, в квартире её нет.

Я посмотрела на Яна.

— В вашем времени она тоже исчезла?

— Я не буду отвечать о судьбе конкретного человека.

Рада положила разрешение на стол.

— Тогда останьтесь здесь со своей честной бесполезностью.

— Рада.

— Что? Он знает, к чему приведёт каждый наш шаг, и выдаёт по крошке, чтобы мы шли именно туда, куда он хочет.

Ян не стал защищаться.

— Вы правы в одном: моё присутствие уже меняет ваши решения. Поэтому мне нельзя вести исследование.

— А в чём я не права?

— Я не знаю, к чему приведёт каждый шаг. Будущее, из которого я прибыл, началось после другого выбора Миры. Некоторые различия уже необратимы.

Он кивнул на меня.

— В моей линии пауза под рекой длилась три счёта.

В буфете звякнула ложка: дежурная выронила её на поднос.

— Вчера вы сказали, что не можете описывать прежний маршрут, — напомнила я.

— Я говорю только о точке, которую вы уже изменили. Четвёртый счёт закрыл мою версию доставки. Иначе карточка не показала бы ваш отказ.

— В вашей версии я открыла письмо?

Ян медленно вдохнул.

— Этот вопрос всё ещё может повлиять на выбор.

— Значит, да, — сказала Рада.

— Значит, я не ответил.

Я допила воду.

— Мы идём к колоколу. Я не прошу вас вести исследование. Я прошу назвать опасность, которую уже видите.

Он повернул одну бумажную полоску и написал: не проносить дату; не повторять почтовый ход голосом; не доводить колебание до удара.

— Последнее особенно важно, — сказал он. — Звук можно исследовать как возможность, пока язык колокола не коснулся чаши. Удар назначит событие случившимся.

Рада прочитала записку.

— Это я знаю без инспектора.

— Поэтому идти должны вы, а не я.

Он протянул лист ей, не мне. Рада взяла его после короткого колебания.

— Лета уже на башне, — сообщила она.

— Ты оставила её там одну?

— Я оставила её с мастером Нисой и запретом играть почтовую ноту. После вчерашнего Лета согласилась. Не подчи-

нилась — согласилась.

Она вернула мне моё же различие. Я кивнула.

На выходе Ян окликнул меня:

— Мира.

Он впервые назвал меня без официального обращения.

Рада остановилась раньше меня.

— Что?

— Если услышите в колоколе речь, не считайте её воспоминанием только потому, что узнаете голос.

— Чей голос я услышу?

— Я не знаю.

Это прозвучало правдой и напугало сильнее очередного отказа.

Южная башня стояла у самой реки. Пять городских колоколов отмечали не время, а устойчивость швов. Северный отвечал за отражения, Западный — за тени, Восточный — за имена, Малый — за сны. Южный различал последовательность: один звук не позволял утру случиться раньше ночи и не давал вчерашнему решению притвориться сегодняшним.

Мы с Радой поднялись по винтовой лестнице. Обычно наверху пахло бронзой, голубиным пухом и маслом. Теперь к ним примешивался запах мокрой бумаги.

Лета сидела на деревянном настиле, скрестив ноги. Перед ней лежала разобранная флейта. Мастер Ниса — сухая женщина с серебряной косой — держала ладони на верёвке колокола, не натягивая её.

— Я ничего не играла, — сказала Лета прежде, чем мы спросили. — Только записала то, что слышно.

Она показала нотный лист. На нём не было нотных головок, только паузы разной длины.

— Пустой такт? — спросила я.

— Не пустой. Здесь звук, который нельзя повторить звуком.

Рада присела рядом.

— Покажи ритм.

Лета постучала пальцем по собственному колену: два коротких касания, промежутки, одно долгое. Почтовая нота из её вчерашней записи требовала завершения на полтона вниз. Теперь вместо завершения стояла пауза.

— Откуда она взялась?

— Была всегда. Просто вчера я думала, что не расслышала последнюю ноту.

— А сегодня?

— Сегодня поняла: если её сыграть, исчезает выбор, чем закончить.

Ниса одобрительно хмыкнула.

— Девочка слышит отсутствие лучше половины ваших хористов.

— Она не девочка, когда работает, — сказала Рада. — Но сегодня она здесь как наблюдатель, не как исполнитель.

Лета закатила глаза, однако спорить не стала.

Южный колокол висел в центре башни. На его чаше шли

пять колец: по одному на каждый день текущего служебного цикла. Между понедельником и средой проступила тонкая шестая полоса. Вчера её не было видно. Я провела пальцем рядом, не касаясь металла.

— След вторника?

— След того, что колокол ударил во вторник, — поправила Рада. — День и действие не одно и то же.

Она вынула из чехла две вилки. Одну закрепила у края чаши, вторую передала Нисе.

— Мы снимем противофазу. Ниса удержит сегодняшний основной тон, я найду вчерашнее колебание. Мира будет слушать словесный слой. Лета записывает только паузами.

— Почему я? — спросила я.

— Потому что почтовый куплет вошёл в твою партию.

— Именно поэтому мне опасно.

— Да. Можешь отказаться.

Рада произнесла это без испытания в голосе. Она уже получила разрешение, поднялась на башню и собрала инструменты, но всё ещё оставляла мне выход.

— Я останусь, — сказала я.

— Если услышишь приказ, не исполняй. Если услышишь дату, не повторяй. Если потеряешь ещё одну часть речи, показываешь два пальца, и мы прекращаем.

— А если ты не заметишь?

Лета подняла с настила маленькое зеркало.

— Я замечу. Буду смотреть на твой рот, а не на колокол.

Рада ударила вилку мягким молоточком.

Звук оказался таким низким, что я сперва почувствовала его в коленях. Ниса ответила второй вилкой. Два колебания вошли в бронзу, но язык остался неподвижен.

Кольцо среды засветилось тусклым золотом.

Рада медленно повела вилку вдоль чаши. Свет перешёл на понедельник, миновал зазор и погас. Она вернулась назад, изменила угол.

Между известными кольцами возникла серебряная линия.

Башня исчезла.

Я всё ещё стояла на настиле, видела Раду, Лету и Нису, но вокруг нас проступил другой воздух — вечерний, тёплый, наполненный городской музыкой. Сквозь каменные стены проходили люди. Они спешили по лестнице, не замечая нас.

— Вторник, — прошептала Лета.

Рада резко приложила палец к губам. Называть день было не запрещено, но мы не знали, что здесь могло стать адресом.

Перед нами появилась вчерашняя Рада. Она поднялась на башню в синем рабочем плаще, проверила крепления и записала показания в журнал. Следом вошла Ася.

Я хотела окликнуть её, но это был лишь сохранённый звук, получивший видимость.

— Ты выбрала Южный? — спросила Ася у той Рады.

— Он держит последовательность лучше остальных.

— Мне нужен один пропуск. Между понедельником и

средой.

Рада перестала писать.

— Для учебной тревоги?

— Для проверки нового протокола.

— Какого протокола?

— Почта отправит пустой состав. Хор обозначит возможный день, колокол не закрепит его ударом. Если шов выдержит, сможем эвакуировать людей до бедствия, а потом вернуть последовательность.

— До какого бедствия?

Ася отвела взгляд.

— Пока расчётного.

— Значит, разрешения управления нет.

— Есть предварительный допуск.

Она показала пластину. Из нашего положения я видела только красную печать и букву «О» в подписи.

Орен.

Или любое другое имя.

Вчерашняя Рада покачала головой.

— Без основания я не отключу удар.

— Основание — пять тысяч человек у третьего шва.

— Которым никто не сообщил об опыте.

— Если сообщить, страх изменит звуковой фон.

— Тогда это не опыт, а ловушка.

Я знала этот тон сестры. После него она не уступала ни начальству, ни погоде.

Ася убрала пластину.

— Я ожидала ответа. Поэтому перенесла допуск на ручное управление хора.

— Ты пришла не просить.

— Я пришла предупредить.

Ася ушла. Вчерашняя Рада осталась у колокола и долго смотрела на неподвижный язык. Затем сняла со связки маленький ключ и спрятала под обшивкой настила.

Видение дрогнуло.

— Там, — сказала нынешняя Рада.

Ниса удерживала вилку. Рада опустилась на колени и поддела край доски ножом. В щели лежал ключ, завёрнутый в промасленную ткань.

— Я этого не помню, — сказала она.

— Но сделала, — ответила Лета.

— Зачем прятала?

Сохранённый вторник продолжался вокруг нас. Вчерашняя Рада вернулась к журналу и написала на полях: Если день вынут, ключ останется вне учёта. Ищи удар без колокола.

Потом вырвала лист, свернула и положила вместе с ключом.

Нынешняя Рада развернула промасленную ткань. Внутри действительно оказался клочок журнала. Чернила побледнели, но фраза совпадала.

— Она знала, что забудет, — сказала Лета.

— Я знала.

Рада произнесла это с таким отчаянием, словно её преда-
ла не память, а собственная предусмотрительность.

Я коснулась её плеча.

— Ты оставила себе дорогу назад.

— И не остановила опыт.

— Ты отказала Асе.

— Она всё равно получила ручной допуск.

— Это её поступок.

Сестра сжала ключ.

— А последствия держит мой колокол.

Серебряная линия на бронзе стала шире. Из неё донёсся
шум набережной, затем голоса хора. Мы услышали начало
концерта — ещё до чужого куплета.

Лета быстро ставила паузы на листе.

— Здесь второй ритм, — сказала она. — Под хором.

— Поезд? — спросила Ниса.

— Нет. Кто-то считает.

Два коротких касания, промежутки, одно долгое.

Тот же рисунок, что у незавершённой почтовой ноты.

Я вслушалась. Под голосами действительно шёл счёт,
слишком ровный для колёс. На каждом промежутке из пес-
ни исчезала доля секунды. Певцы продолжали фразу, не за-
мечая, что время стало короче.

— Так вырезали день, — сказала я. — Не после куплета.
Во время всего концерта.

Мой голос вошёл в бронзу.

Южный колокол ответил.

Язык не коснулся чаши, но по башне прокатился удар.

Не звук — память о звуке.

Камень под ногами качнулся. За арками башни вместо рассветного Ладомира возник вечерний город. На площади внизу люди шли по своим делам, и каждый повторял одно движение: женщина поднимала письмо из лужи, мальчик отпуская красный шар, извозчик натягивал поводья. Действия начинались заново, не доходя до результата.

Рада подняла два пальца — знак прекращения. Ниса отвела вилку.

Серебряная линия не погасла.

— Колебание держит само себя! — крикнула Ниса.

Я услышала собственный голос из чаши:

— Письмо уже написано.

Вслед за ним заговорила будущая я:

— Если ты это слышишь, значит, я опять не сумела оставить тебе выбор.

Ян предупреждал: знакомый голос не доказывает воспоминание.

— Не отвечай, — сказала Рада.

Голос в колоколе продолжил:

— Назови дату, и вторник вернётся.

На площади женщина снова наклонилась к письму. Мальчик снова разжал пальцы. Красный шар поднялся на ладонь

выше и замер.

Назвать дату было так просто. Она стояла на конверте; я уже запомнила каждую цифру. Один звук мог вернуть людям день, разговоры, решения. Возможно, вернуть Асе память о допуске и Орену — основание, которое он скрывал.

Но голос не сказал, что ещё придёт с этим днём.

Лета встала между мной и колоколом. Она подняла флейту, не собранную до конца: без нижнего колена инструмент не мог взять почтовое разрешение.

— Я сыграю паузу, — сказала она.

— Паузу нельзя сыграть, — отозвалась будущая я.

— Значит, ты не Мира.

Лета приложила флейту к губам.

Первую ноту она взяла чисто. Вторую — тише. На месте третьей открыла клапаны и выдохнула без звука.

Воздух прошёл через неполный инструмент и не стал мелодией.

Счёт под концертом сбился.

Два коротких касания. Промежуток. Вместо долгого — дыхание Леты.

Я подхватила не ноту, а её решение. Открыла рот и четыре счёта не произносила ничего.

На первом женщина на площади коснулась письма.

На втором мальчик отпустил шар.

На третьем извозчик выбрал другую улицу.

На четвёртом сохранённый вторник перестал повторять-

ся.

Он не вернулся в календарь. Просто пошёл дальше внутри себя.

Серебряная линия сузилась. Башня снова стала каменной, утренней и холодной. Южный колокол висел неподвижно. По его чаше стекала капля воды, хотя дождя не было.

Лета опустила флейту и согнулась, хватая воздух. Рада подхватила её.

— Ты как?

— Нормально. Только язык онемел.

Я присела перед ней.

— Скажи что-нибудь.

Лета высунула язык и сердито замычала.

Цена коснулась её за беспсловесную ноту: не забрала категорию речи, а временно отняла физическую возможность артикуляции.

— До рассвета? — спросила Рада.

— Рассвет уже наступил, — сказала Ниса.

Это означало, что срок нам неизвестен.

Лета достала карандаш и написала на нотном листе: Я знаю риск. Не делайте вид, что меня здесь не было.

Рада прочитала, закрыла глаза и кивнула.

— Не будем.

Под лестницей загрохотали сапоги. Орен поднялся на площадку вместе со стражами и Яном. Инспектор увидел Лету, разобранную флейту и серебряную полосу на колоколе.

— Кто исполнил ход?

Лета подняла руку.

— Она несовершеннолетняя, — сказал Орен. — Кто разрешил?

Лета яростно застучала карандашом по листу.

Рада встала перед ней.

— Она получила полное объяснение риска и приняла решение. Я отвечала за прекращение опыта.

— Который вы не прекратили.

— Колебание не подчинилось инструментам.

— А вашему приказу подчинился ребёнок.

Лета сунула ему лист: **Я НЕ ПОДЧИНИЛАСЬ. Я ПРЕДЛОЖИЛА СПОСОБ.**

Орен прочитал и вернул бумагу Раде, будто сообщение принадлежало взрослому, стоявшему рядом.

Я забрала лист у сестры и снова протянула Орену.

— Ответьте Лете.

Он посмотрел на неё.

— Ваш способ сработал. Но вы не должны были оказаться в опасной зоне.

Лета написала: **ТОГДА НЕ ВЫЧЁРКИВАЙТЕ МЕНЯ ИЗ ПРОТОКОЛА.**

Вета, поднявшаяся последней и запыхавшаяся сильнее всех, прочитала через его плечо.

— Я внесу её как участницу и автора бессловесного хода.

Орен не возразил. Его внимание уже перешло к ключу в

руке Рады.

— Откуда это?

— Я спрятала во вторник.

— Вы помните?

— Колокол помнит. У меня есть собственная записка.

Она развернула промасленную ткань. Вета приняла клочок щипцами и положила рядом с карточкой.

— Что открывает ключ? — спросил Ян.

— Ручной отсек Южного колокола, — ответила Рада. — В нём фиксируются все внешние допуски на изменение последовательности.

Орен протянул ладонь.

— Передайте службе сохранения.

— Нет.

— Госпожа Вейна, это городское оборудование.

— А это свидетельство из дня, который ваша служба не признаёт. Вскроем отсек при независимом хранителе.

Вета подняла руку.

— Согласна принять наружные данные без ознакомления с личными записями.

— Архив Ночной почты подчиняется моему распоряжению, — сказал Орен.

— Временный каталожный архив подчиняется правилам хранения. Вы сами утвердили их зимой.

Впервые за утро Орен выглядел загнанным. Не виновным — лишённым привычного пути.

Ниса вставила ключ в маленькую дверцу у основания колокола. Замок сопротивлялся, потом открылся.

Внутри не было ни журнала, ни пластины допуска.

Там лежала каталожная карточка.

Такая же сухая и старая, как на вокзале.

Вета прочла верхнюю строку, не касаясь бумаги:

— «День двадцать первый. Состояние: исключён». Поле основания пустое. Поле исполнителя...

Она замолчала.

— Читайте, — велел Орен.

— Поле исполнителя стёрто.

На карточке действительно виднелось выскобленное место. Но царапины шли не от ножа. Бумагу стирали звуком: волокна легли концентрическими дугами, как песок вокруг поющей чаши.

Я наклонилась ближе.

В каждой дуге повторялся рисунок моего контральто.

— Это мой голос, — сказала я.

Ян закрыл глаза.

Не удивился.

— Вы знали, — сказала Рада.

— Я боялся этого.

— Какая разница?

— Знание можно проверить. Страх легко принять за знание и заставить вас ему подчиниться.

Я указала на карточку.

— Мой голос стёр имя до того, как я спела куплет, или после?

Вета достала увеличительное стекло.

— Чернила старше царапин. Карточку заполнили, затем имя удалили. Но возраст самих царапин... невозможный. Они появились через семнадцать лет.

В башне стало тихо.

Лета написала на полях нотного листа и показала мне:

Значит, будущий голос стирает прошлое?

Я не знала.

Южный колокол качнулся без ветра. Язык остался неподвижным, но из чаши выпала одна низкая нота — не услышанная, а отпечатанная прямо на карточке.

Под стёртым именем проступили новые слова:

Отправитель не установлен. Голос-посредник: Мира Вейна. Согласие не получено.

Орен первым отвёл взгляд.

Я прочитала строку ещё раз. Кто-то воспользовался моим будущим голосом, чтобы вынуть день из города и скрыть своё имя. Или будущая я сделала это сама.

Но карточка утверждала главное: моего согласия не было.

Ян стоял рядом, не касаясь меня.

— Теперь вы можете ответить? — спросила я. — В вашем времени я знала, что мой голос стёр исполнителя?

— Нет, — сказал он. — Этого я никогда не видел.

В его страхе наконец не было тайного знания.

Только новое будущее, одинаково неизвестное нам обоим.

Глава 4. Инспектор, которого ещё нет

Проверять человека из будущего поручили людям, которых в его времени могло уже не быть.

Орен собрал комиссию в старом почтовом сортировочном зале: себя, Вету, Асю Нор, мастера Нису и меня. Ася появилась к полудню в том же концертном платье, поверх которого накинула служебный плащ. Она объяснила исчезновение поиском архивного допуска. Пластины не принесла.

Рада осталась с Летой. Язык у племянницы начал двигаться, но согласные пока не получались. Перед моим уходом она написала: Не позволяй будущему отвечать вместо тебя.

Я положила записку в карман.

Ян стоял внутри круга, начерченного мелом. На столе перед ним лежали его прозрачное удостоверение, латунный компостер и пальто. Орен приказал снять всё, что могло содержать устройство перехода. Ян подчинился, но отказался отдать маленькую костяную пуговицу, пришитую с изнанки рубашки.

— Личный предмет? — спросила Вета.

— Да.

— Оружие?

— Нет.

— Связан с делом?

Ян посмотрел на меня.

— Возможно.

Орен протянул руку.

— Тогда на стол.

— Нет.

— Ваш отказ будет внесён в протокол.

— Внесите.

Орен повернулся к страже, но Вета подняла ладонь.

— Мы проверяем происхождение, а не добиваемся полного доступа к человеку. Если предмет не участвует в испытаниях, отказ допустим.

— Вы быстро переняли его словарь, — заметила Ася.

— Слово «допустим» существовало до инспектора Севера.

Ян едва заметно поклонился ей. Вета не ответила.

Орен раздал нам листы с условиями. Ян должен был доказать три вещи: знание будущей Ночной почты, невозможное для нынешнего служащего; принадлежность к заявленному времени; способность обнаружить вероятное письмо, не читая содержания. Ни один результат не давал ему власти — только статус свидетеля.

— Кто составлял испытания? — спросил Ян.

— Я, — ответил Орен.

— Тогда нужен четвёртый пункт: проверка того, что я не подсказал вам условия в будущем.

— Вы считаете меня сообщником?

— Считаю вас человеком, который через семнадцать лет мог изменить мнение, должность или методы. Как и любой из нас.

Ася скрестила руки.

— Удобно подозревать ещё не совершённое.

— Я предлагаю не подозрение. Я предлагаю убрать доверие из измерения.

— Как?

— Пусть госпожа Соль заменит одно испытание после того, как я войду в изолированную комнату.

Вета вычеркнула третий пункт и написала новый, прикрыв лист ладонью.

Ян вошёл в комнату для глухих посылок. Её стены обивали войлоком, дверь запиралась снаружи, ни один звуковой шов туда не проходил. Страж проверил стены и остался у замка.

Вета принесла из каталога шесть одинаковых конвертов. В пяти лежали чистые листы. В шестой она вложила записку, которую написала, но решила не отправлять. Запечатала все сургучом без адресов, перемешала и разложила на столе.

— Вероятное письмо среди уже написанных? — спросила Ася. — Он определит по толщине.

— Во всех одинаковое число листов.

— По запаху чернил.

— Чернила одни.

Орен позвал Яна.

Он вернулся без пальто и остановился у края мелового круга.

— Войти можно? — спросил он Вету.

— Можно.

Ян не коснулся конвертов. Обошёл стол, прислушиваясь. Возле третьего задержался.

— Этот содержит добровольно написанный, но не отправленный текст.

Вета не изменилась в лице.

— Почему?

— Остальные пять молчат одинаково. Этот молчит в определённом направлении.

— Красивые слова, — сказал Орен. — Проверяемые признаки?

— Положите рядом пустую карточку адресата.

Вета принесла карточку. Ян попросил каждого из нас по очереди назвать только своё имя, не касаясь письма. Когда заговорила Вета, карточка выгнулась к третьему конверту.

— Автор, — сказал Ян.

— А содержание? — спросил Орен.

— Не знаю.

— Адресат?

— Не знаю.

— Докажите, что не знаете.

— Это невозможно. Можно доказать знание, не незна-

ние. Поэтому протокол будущей почты разделяет доступ: один служащий подтверждает автора, второй маршрут, третий добровольность выдачи. Никто не получает целого письма.

Вета разломил сургуч и показала верхнюю строку только мне. Записка начиналась: «Мама, я больше не буду приезжать по воскресеньям». Она забрала лист прежде, чем остальные успели прочитать.

— Автор я. Письмо не отправлено. Испытание пройдено.

Ася посмотрела на неё с неожиданным сочувствием, но ничего не сказала.

Второе испытание касалось времени. Ниса принесла чашу свежего сплава, отлитую вчера утром. На внутренней стороне мастер оставила случайный дефект — маленький пузырьёк воздуха, положение которого не занесли ни в один журнал.

— Через семнадцать лет металл состарится, — объяснила Ниса. — Если ваш компостер действительно из будущего, его рабочая кромка хранит пыль вещей своего времени. Найдите в ней частицу этой чаши.

— А если чаша не сохранится семнадцать лет? — спросила я.

— Тогда он не найдёт.

— Но это докажет только один вариант будущего.

— Именно, — сказал Ян. — Принадлежность к варианту, а не истинность всего, что я помню.

Он попросил вернуть компостер, раскрыл латунные челю-

сти и провёл белой тканью по внутренней кромке. На ткани осталась тёмная пыль. Ниса высыпала её в воду, добавила каплю кислоты. Большинство частиц растворилось, одна всплыла тонкой золотистой плёнкой.

Мастер приложила плёнку к чаше. Та задрожала. Воздушный пузырёк на внутренней стороне ответил крошечным звоном.

— Один сплав, — сказала Ниса. — Более того, частица откололась именно у дефекта. Значит, в его времени чашу разбили.

— Когда? — спросил Орен.

— Этого опыт не показывает.

Ян сжал ткань в кулаке.

— Я могу сказать только, что чаша служила в Центральном узле.

Ниса погладила свежий металл.

— Значит, её ещё передадут почте.

— Если после этого испытания вы всё равно решите передать.

Она усмехнулась.

— Хорошо. Буду решать назло вашему будущему.

Третье испытание Вета заменила. Она поставила на стол закрытый ящик каталожных карточек.

— Здесь сто записей за прошлую зиму. Одна создана задним числом после события. Мы нашли её по составу чернил, но не поместили. Определите какую.

— Это проверяет архивиста, не инспектора вероятностей.

— Вы заявили, что будущая почта умеет отличать последствия от причин.

— Умеет при наличии маршрута.

— Вот маршрут.

Она положила рядом карту зимних доставок.

Ян не открыл ящик.

— Я отказываюсь.

Орен поднял брови.

— Не можете?

— Могу попытаться. Но среди карточек могут быть личные сведения людей, которые не соглашались на мою проверку.

— Вам не нужно читать содержание.

— Чтобы найти обратную причинность, придётся увидеть даты, адреса и результаты. Этого достаточно, чтобы узнать чужую историю.

Вета постучала ногтем по крышке.

— Верно.

Она убрала ящик.

— Испытание пройдено.

— Вы проверяли не способность, а предел? — спросила Ася.

— Способность может выучить самозванец. Рабочий предел труднее угадать.

Орен перечеркнул что-то в своём листе.

— Или они заранее договорились.

— Тогда вы можете заменить испытание снова, — сказала Вета. — Но не требовать нарушения, чтобы удовлетворить недоверие.

Четвёртым стал вопрос о будущей почте. Орен принёс нераспечатанную инструкцию, утверждённую вчера управлением хора и пока не разосланную отделениям. Ася поставила на ней служебную печать.

— Назовите ошибку, из-за которой этот протокол отменят, — потребовал Орен.

Ян посмотрел на серый свёрток.

— Я не видел документа в настоящем.

— Но могли изучать его историю.

— Мог.

— Назовите ошибку.

— Сначала уточните: после моего ответа вы исправите протокол?

— Если ошибка существует.

— Тогда в моём прошлом её больше не будет. Это приемлемое изменение, если все согласны.

Он по очереди посмотрел на членов комиссии. Ася пожала плечами. Ниса кивнула. Вета сказала «согласна». Я тоже. Орен последним произнёс:

— Согласен.

— В инструкции разрешено считать доставленным письмо, если адресат услышал весь текст, даже не подтвердив по-

лучение. Через девять лет это правило позволит массово доставить предупреждения во сне. После первой катастрофы появится отдел недоставленных вероятностей.

Орен разорвал печать. Ася забрала инструкцию и быстро нашла нужный пункт.

— Здесь именно так написано.

— Кто предложил формулировку? — спросила я.

Она перевернула последнюю страницу.

Под согласованиями стояло имя Орена Даля.

— Я исходил из безопасности адресата, — сказал он. — Если предупреждение услышано, глупо ждать формального ответа.

— Услышанное не равно принятому, — ответил Ян.

— Если письмо сообщает о пожаре?

— Сообщите о пожаре как об опасности. Не превращайте единственный способ спасения в обязанность.

— Человек погибнет, пока выбирает.

— Иногда. А иногда ваше письмо ошибётся и запретит ему выход, который мог спасти.

Орен свернул инструкцию.

— Я исправлю пункт.

В его голосе не было благодарности. Только решимость не повторить будущую ошибку — и злость на того, кто принёс ему знание о ней.

Комиссия признала Яна прибывшим из вероятного будущего. Вета тщательно вписала слово «вероятного» в каж-

дую копию. Полномочия инспектора не признали: отдел ещё не существовал, город ему не подчинялся. Ему разрешили помогать как консультанту под наблюдением независимого хранителя.

— Хранителем буду я, — сказала Вета.

— Возражаю, — сказал Орен. — Вы демонстрируете предвзятость.

— Я демонстрирую применение правил. Назовите нарушение.

Он не назвал.

Когда остальные разошлись подписывать протокол, я осталась в сортировочном зале. Ян собирал вещи. Пыль будущего сплава оставила на его ладони золотую полосу.

— Чаша разбилась во время той катастрофы? — спросила я.

Он застегнул компостер на ремне.

— Да.

— Той, после которой создали ваш отдел?

— Да.

— Я была там?

Он замер.

— Вы задаёте вопросы, ответы на которые могут сделать будущее обязательным.

— Это моё право — решить, что спрашивать.

— И моё — решить, что отвечать.

— Верно.

Я подошла ближе к меловому кругу. Он ещё не переступил линию, хотя испытания закончились.

— Можно войти? — спросила я.

— Круг удерживал меня, не вас.

— Это не ответ.

Ян понял. Его лицо смягчилось.

— Можно.

Я шагнула внутрь.

Теперь между нами оставалось меньше метра. Я видела серебряную нить у его виска, плохо заживший порез на подбородке, усталость человека, который давно не позволял себе считать прибытие концом дороги.

— Для вас мы знакомы, — сказала я. — Не по делу.

Он не отвёл глаз.

— Да.

— Мы были друзьями?

— Мира...

— Не называйте меня так, если не можете ответить.

Он сделал полшага назад. Граница круга остановила каблук.

— Как к вам обращаться?

— Госпожа Вейна. Пока.

— Хорошо, госпожа Вейна.

Боль, мелькнувшая в его лице, была слишком личной для человека, которого я встретила ночью. Она могла стать доказательством близости. Могла быть искусной игрой. Могла

принадлежать семнадцати годам, о которых я ничего не знала.

— Пуговица, которую вы не отдали, связана со мной?
Ян коснулся её через ткань рубашки.

— Да.

— Я подарила?

— Вы передали её мне добровольно.

— При каких обстоятельствах?

— Не отвечу.

— Потому что это изменит выбор?

— Потому что это ваша личная история. Вы ещё не прожили её и не давали мне согласия рассказать нынешней вам.

— Будущая я дала?

— Просила не использовать наши отношения как доказательство.

Слово прозвучало просто: отношения. Не дружба, не служба, не знакомство.

Внутри меня поднялось глупое, мгновенное желание спросить, любили ли мы друг друга. Глупым оно было не потому, что любовь невозможна, а потому, что любой ответ поселился бы между нами раньше первого собственного шага.

Я удержала вопрос.

— Спасибо, что не ответили больше.

Ян закрыл глаза на короткую секунду.

— В прошлый раз вы сказали иначе.

— В вашей линии?

— Да.

— И что я сказала?

Он улыбнулся без радости.

— Что ненавидите меня за молчание.

— А потом?

— Это уже больше.

Я вышла из круга.

— Тогда начнём с того, что существует сейчас. Вы были с поездом?

— Нет. Я пытался его остановить и попал в маршрут, когда вы добавили четвёртый счёт.

— Значит, вы не планировали оказаться здесь.

— Планировал оказаться во вторник. Но не в этом настоящем.

— Зачем?

— Не дать доставить первое письмо.

— Моё письмо.

— Да.

— Почему оно называется первым?

— Потому что после него отправили другие.

— Сколько?

— В моей линии — достаточно, чтобы город перестал различать совет и приказ.

Он поднял пальто. Из кармана выпала бумажная полоска. Я нагнулась раньше него.

На одной стороне было написано: не произносить дату; не

повторять почтовый ход голосом; не доводить колебание до удара. Та самая записка, которую утром он отдал Раде. Но эта выглядела старше: сгибы потемнели, края истёрлись.

На обороте моим почерком стояло:

Если я попрошу открыть письмо — не верь просьбе.

Ян осторожно забрал полоску.

— Вы обещали не использовать наши отношения как доказательство, — сказала я.

— Я не собирался показывать.

— Но носите с собой.

— Потому что это инструкция по делу.

— И только поэтому?

Он долго молчал.

— Нет.

Вета вернулась с протоколами и остановилась у двери.

— Я помешала?

— Нет, — одновременно ответили мы.

Она положила бумаги на стол.

— Тогда плохая новость. Пока мы проверяли инспектора, его несуществующий отдел появился в городском справочнике.

На последней странице нового протокола стояла служебная ссылка: Отдел недоставленных вероятностей, Центральный узел, полномочия согласно положению семь-семнадцать.

— Ещё час назад строки не было, — сказала Вета. — Я

сверяла форму.

Орен вернулся следом и выхватил лист.

— Значит, личность подтверждена вместе с полномочиями.

— Нет, — резко сказал Ян.

— Вы сами назвали этот отдел и номер.

— Именно. Будущее вписалось вслед за моими словами. Это не подтверждение, а заражение причины следствием.

Чернила на странице становились темнее. Под ссылкой возникла новая строка:

Временный руководитель: Ян Север.

Орен посмотрел на него.

— Удобно.

Ян разорвал собственную копию протокола.

Чернила остались на всех остальных листах.

— Не признавайте эту запись, — сказал он. — Не исполняйте ни одного распоряжения, подписанного моим будущим званием. Пока отдел создан потому, что я о нём рассказывал, он принадлежит не городу, а маршруту.

— А если это единственная служба, способная остановить письма? — спросила Ася.

— Тогда создайте свою. С другими людьми, правилами и названием.

— Вы отказываетесь от власти, которую только что доказали?

— Я ничего не доказал. Я принёс возможность власти, и

кто-то пытается сделать её обязательной.

В коридоре зазвонил служебный аппарат. Потом второй. Из соседних комнат донеслись голоса: почтовые отделения спрашивали о новом подразделении и требовали инструкций.

Ян снял с рукава три серебряные полосы и положил на стол.

— Госпожа Соль, зафиксируйте добровольный отказ от полномочий до независимого создания отдела в настоящем.

— Фиксирую, — сказала Вета.

— Госпожа Вейна, будьте свидетелем.

— Согласна.

Орен смотрел на знаки власти так, словно перед ним лежал инструмент, которым можно было спасти тысячи, если не задавать лишних вопросов о руке.

— Вы понимаете, от чего отказываетесь? — спросил он.

— Лучше вас.

Чернила в протоколах побледнели. Строка с именем Яна исчезла. Название отдела осталось, но рядом появилось примечание: проект не утверждён.

Телефоны в коридоре замолчали.

Вета завернула серебряные полосы в чистую бумагу.

— До решения комиссии они будут у меня.

Ян кивнул. Без знаков на рукаве он выглядел не моложе и не слабее — просто человеком, которому больше нечем было прикрыть последствия собственных слов.

Орен ушёл первым.

Ася задержалась у двери.

— Ваша будущая служба возникла после катастрофы, — сказала она Яну. — Если мы не создадим её сейчас, катастрофа всё равно случится?

— Не знаю.

— Но вы поэтому здесь.

— Я здесь из-за письма.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

Она посмотрела на меня, затем на снятые полосы.

— Иногда молчание тоже выбирает исход.

— Да, — ответила я. — Поэтому важно, кто имеет право молчать и о чём.

Ася ушла.

Вета передала мне копию протокола. В строке «статус» было написано: Ян Север — свидетель из вероятного будущего, без полномочий в настоящем, консультант по добровольному согласию.

— Подходит? — спросила она.

Я посмотрела на Яна.

— Пока да.

— А вам? — спросила Вета у него.

— Да.

Она собрала бумаги и оставила нас в зале.

На столе между мной и Яном лежал чистый лист. Ни бу-

дущего текста, ни печати, ни должности.

— Что вы будете делать без полномочий? — спросила я.

— Помогать вам найти станцию отправки, если позволите.

— Я позволю помогать делу. Не решать за меня.

— Согласен.

— И обращайтесь ко мне по имени. Я передумала.

Он не улыбнулся, но в его голос вернулось тепло.

— Хорошо, Мира.

В этот раз моё имя прозвучало не воспоминанием. Первым словом нового знакомства.

Глава 5. Каталожная карточка

Карточка появилась в каталоге в тот миг, когда Вета поставила чайник.

Она потом трижды повторила эту подробность, потому что чайник оказался единственным надёжным свидетелем времени. Вода ещё не успела зашуметь. На столе лежала раскрытая пачка чистых бланков, перевязанная синей лентой, и верхний лист был пуст. Вета отвернулась к печке, чиркнула спичкой, услышала за спиной короткий шелест — не громче мышиного шага по бумаге — и увидела уже заполненную карточку.

Она не стала читать.

Сначала накрыла бланк стеклянной крышкой для старых рукописей, заперла комнату изнутри и позвонила мне. Затем позвала Яна и Раду — как независимого свидетеля, не связанную с почтой. Орену она отправила извещение с часовым сроком, чтобы он не мог утверждать, будто его намеренно исключили, но и не успел первым наложить на находку служебный арест.

Когда мы пришли, чайник только начинал посвистывать.

— Не выключай, — сказала Вета Раде, протянувшей руку к крану. — Я отметила уровень воды. Мне нужно понять, сколько прошло времени.

— Можно было посмотреть на часы.

— Часы в каталоге отстают на девять минут со вторника, которого нет. Я им больше не доверяю.

Рада убрала руку.

Карточка лежала под выпуклым стеклом. Я видела её оборот, желтоватый и шершавый, с двумя синими нитями от ленты. Запись проступала насквозь густыми чернилами. Там, где должно было находиться имя составителя, бумага казалась выскобленной до прозрачности.

Ян остановился у порога.

— Вы её касались? — спросил он.

— Нет.

— Читали?

— Нет.

— Почему решили, что она связана с делом?

— Потому что минуту назад её не было. И потому что каталог поставил её не в ящик новых поступлений, а между вторником и средой.

Вета указала на раскрытый шкаф. В узкой щели между секциями стояла пустая деревянная кассета, которой вчера не существовало. На латунной ручке было выгравировано одно слово: Исключённое.

— Это существительное или прилагательное? — спросила Рада.

— Каталог пока не решил, — ответила Вета. — И я не хочу помогать ему решать раньше времени.

Я подошла к столу. Под стеклом что-то тихо скреблось.

Не перо — будто сама запись пыталась продолжиться на обратной стороне.

— Вы говорили, карточки не создают события, — сказала я.

— Обычные карточки. Эта появилась после того, как мы произнесли название будущего отдела и внесли его в протокол. Возможно, каталог теперь считает вероятные последствия состоявшимися.

— Или кто-то пользуется им, — сказал Ян.

Вета взглянула на него.

— Вы можете определить маршрут, не читая запись?

— Могу попробовать определить направление. Но сначала нужно решить, что именно мы считаем закрытым содержанием.

— Имя составителя закрыто намеренно. Остальные поля относятся к делу.

— Это ваше решение как хранителя?

— Да.

— Тогда я согласен работать на этом условии.

Они проговорили согласие спокойно, без торжественности. Мне вспомнился Орен, для которого всякое промедление выглядело дырой в обороне. Но здесь пауза не задерживала работу. Она делала работу возможной.

Вета сняла стекло щипцами и перевернула карточку на чистую ткань.

В верхней строке стояло: День: второй день третьей сед-

мицы дождей.

Ни числа, ни названия дня недели.

Ниже:

Основание исключения: предотвращение гибели девяти-
сот семи человек.

Средство: письмо первое.

Голос-посредник: Мира Вейна.

Составитель:

После двоеточия тянулся белый шрам.

В последнем поле было написано:

Результат: адресат добровольно отказался. Требуется ис-
править.

У меня заledenели ладони.

— Исправить отказ? — спросила Рада.

— Так выходит, — ответила Вета.

Ян наклонился, не переступая край расстеленной ткани.

— В моём времени у карточек не было поля «требуется
исправить».

— Может быть, именно поэтому оно появилось сейчас, —
сказала я. — Ваше будущее больше не единственное.

— Это плохая новость, Мира.

— Знаю.

В прозрачном шраме дрогнула тонкая тень. Я слышала
звук, которого остальные, судя по их лицам, не заметили:
мой собственный голос взял ноту на полтона ниже удобной
и произнёс имя без согласных.

Я отступила.

— Там пела я.

Рада сразу встала между мной и столом.

— Сейчас?

— Не знаю. Голос старше. Или просто уставший.

— Не слушай снова.

Я хотела возразить, но остановилась. После утраты просьбы я слишком хорошо знала, как легко забота превращается в распоряжение. Рада тоже это поняла.

— Я прошу, — поправились она. — Не слушай без подготовки. Это не значит никогда.

— Хорошо.

Ян тем временем снял компостер, но не раскрыл его.

— Стёртое поле направлено не назад, а вперёд, — сказал он.

— Объясните без почтового жаргона, — попросила Вета.

— Обычно удалённая запись оставляет след к тому, кто её сделал. Здесь след ведёт к тому, кто ещё только должен сделать. Имя не выскоблили после составления. Для него заранее оставили отсутствие.

— Чтобы будущий составитель мог вписаться? — спросила Рада.

— Или чтобы любой подходящий человек решил, что пустое место предназначено ему.

Вета принесла лупу. Под ней волокна белого шрама оказались не порванными, а приглаженными в одну сторону, как

травы под ветром. На краях блестела серебристая пыль.

— Пыль вашего компостера? — спросила она.

Ян положил прибор на отдельный лист.

— Сравните сами. Я не буду касаться образца.

Вета соскоблила по крупинке с карточки и с латунной кромки, развела их в двух каплях воды. Пыль с компостера опустилась на дно. Пыль с карточки осталась на поверхности и сложилась в крошечное кольцо.

— Не одно и то же, — сказала она.

— Почтовый сплав, но обратной закалки, — объяснил Ян.

— Такой используют для матриц голосовой печати.

— Используют сейчас?

— Через семнадцать лет.

Рада тихо выругалась.

В дверь постучали. Ровно три удара, затем ещё один — служебный ритм управления безопасности.

Вета посмотрела на часы, потом на чайник.

— Орен явился на двадцать две минуты раньше срока.

— Не открывайте, если не хотите, — сказал Ян.

— Хочу. Но сначала закрою поля, которые он не имеет права видеть.

Она положила узкие полоски чёрной бумаги на имя составителя и на строку результата, оставив видимыми день, основание и средство. Потом накрыла всё стеклом и отперла дверь.

Орен вошёл один. Это насторожило меня сильнее, чем

стража.

— Девятьсот семь, — сказал он вместо приветствия.

Вета не изменилась в лице.

— Вы уже знали содержание.

Он понял ошибку и посмотрел на закрытую карточку.

Число было видно, но с порога прочесть его он не мог.

— Мне сообщили.

— Кто?

— Управление хора.

— Кто именно?

— Сейчас важнее, что угроза реальна.

Ася, подумала я. Но мысль была слишком удобной. Ася скрыла допуск и узнала почтовую строку, однако удобство подозрения ещё не делало его доказательством.

— Какая угроза? — спросила Рада.

Орен достал сложенный лист.

— Через три дня во время вечерней службы обрушится северная галерея Центрального вокзала. Девятьсот семь погибших. Письмо содержит порядок эвакуации.

— Ещё не написанное письмо, — уточнил Ян.

— В момент падения людям будет безразлично, когда оно написано.

— Откуда у вас прогноз?

— Из анонимного донесения.

— Полученного когда? — спросила Вета.

Орен положил лист на стол, отдельно от карточки.

— Десять минут назад.

— Вы не могли прийти сюда за десять минут, — сказала я. — От управления безопасности до каталога двадцать пять быстрым шагом.

— Мне принесли донесение у соседнего квартала.

— Почему вы оказались в соседнем квартале?

— Проверял линию связи.

Рада усмехнулась без веселья.

— И случайно шли к нам до извещения?

Орен стиснул челюсть.

— Да. Потому что после вчерашней комиссии ожидал нового события и решил наблюдать каталог. Если хотите обвинить меня в предусмотрительности, внесите в протокол.

Вета внесла.

Я взяла донесение только после её разрешения. На листе не было подписи. Схема вокзала показывала трещину в несущей арке, время обрушения и маршруты выхода. Внизу стояла фраза: Если Мира Вейна прочтёт письмо вслух во второй день, все останутся живы.

— Здесь не сказано, что именно я должна прочесть, — заметила я.

— Текст находится в вашем конверте, — ответил Орен.

— Вы этого не знаете.

— Карточка называет его письмом первым.

— А вы не должны были видеть эту строку, — сказала Вета.

Орен умолк.

Чайник засвистел пронзительно и ровно. Никто не двинулся к нему.

Ян смотрел не на Орена, а на анонимное донесение.

— Бумага сухая, — сказал он.

— И что?

— На улице дождь. Вы принесли лист под плащом, но сгибы тоже сухие. Значит, его вручили в помещении.

— В проходной лавке.

— Чернила ещё пахнут железом, — сказала Вета. — Их смешали здесь, в каталоге. Мы добавляем в состав железную соль, чтобы записи переживали сдвиги дат.

Орен резко повернулся к ней.

— Вы обвиняете своего сотрудника?

— Я устанавливаю происхождение материала.

Она поднесла лист к свету. В толще бумаги показался водяной знак архива — круг с разомкнутой нижней чертой.

— Это наш бланк внутренней сверки. Из закрытого шкафа.

— Кто имеет ключ?

— Я и старший регистратор Тавен.

— Где он?

— Умер шесть лет назад.

Тишина после её слов не была пустой. В ней тихо стукнули рельсы под полом.

Один раз.

Второй.

Поезд ещё не пришёл, но маршрут уже примерял каталог как станцию.

Вета погасила горелку под чайником. Свист оборвался, и из белого шрама на карточке донёлся мой голос:

— Тавен Соль.

Вета побледнела.

— Это мой отец, — сказала она.

Никто не успел ответить. Чернила в поле составителя поползли от краёв к середине. Сначала возникла буква Т, затем следующая. Будущий голос произносил имя, а карточка записывала его как причину.

Я поняла, что именно стёрли моей песней. Не человека из прошлого — промежуток между отсутствием и выбранным именем.

Если я дослушаю, каталог получит составителя. Если заглушу голос, мы потеряем след.

— Вета, — сказала я. — Это ваше имя и ваша семейная история. Решение за вами.

Она смотрела, как проступает третья буква.

— Остановите, — произнесла она.

Орен шагнул вперёд.

— Это единственная зацепка.

— Остановите, — повторила Вета. — Я не соглашалась превращать отца в автора будущего преступления.

Ян положил ладонь на компостер, но ждал меня.

Я вдохнула и взяла ту же низкую ноту. Голос из карточки был моим, однако не принадлежал мне сейчас. Я не стала перекидывать его. Вставила между слогами четыре счёта тишины — тот самый промежуток, которым остановила поезд под рекой.

На третьем счёте горло обожгло.

На четвёртом буквы замерли.

В поле осталось: Тав...

Не имя. Не доказательство. След, остановленный по воле хранителя.

Орен ударил ладонью по столу.

— Из-за вашей щепетильности могут погибнуть девятьсот семь человек.

— А из-за вашей поспешности умерший человек может стать удобной причиной того, чего не совершал, — ответила Вета.

— Мёртвым уже нельзя навредить.

— Можно навредить живым, заставив их подчиниться от имени мёртвых.

Рада взяла меня за локоть. Я не сразу поняла зачем. В горле стоял металлический вкус, а из речи исчезло что-то маленькое, повседневное.

— Скажи: «это было вчера», — попросила она.

— Это было...

Я знала слово. Видела вчерашний день, комиссию, меловой круг, чистый лист между мной и Яном. Но назвать его

относительно сегодняшнего не могла.

— Какой день? — спросил Ян.

— Предыдущий.

Рада закрыла глаза.

— Она потеряла слова времени.

Не все. Я могла назвать среду, месяц, час. Но «вчера», «сегодня», «завтра» исчезли, будто кто-то вынул из языка маленькие мосты между днями.

На карточке поле результата изменилось.

Адресат добровольно отказался. Исправление отложено до второго дня.

Под строкой проступила новая отметка:

Станция отправки: Каталог. Отправление после согласия хранителя либо после его отсутствия.

Вета прочла и сразу сняла со связки ключ.

— Если меня уберут, каталог сочтёт это согласием через отсутствие.

— Тогда вы не должны оставаться одна, — сказал Орен.

— Это не даёт вам права взять меня под стражу.

— Я предложил охрану.

— Нет. Вы сформулировали следствие прежде предложения.

Орен открыл рот, но Ян заговорил первым:

— Нужен протокол, при котором отсутствие хранителя не заменяет согласие. И второй хранитель с равным правом отказа.

— Вы? — спросил Орен.

— Нет. Я связан с вероятным будущим и заинтересован в письме.

— Я, — сказала Рада.

Вета покачала головой.

— Вы сестра Миры. Тоже заинтересованы.

— Конечно. Но я не получаю власти над письмом. Только право не дать твоё молчание принять за разрешение.

Вета обдумала это и протянула ей ключ.

— До письменного протокола. Если со мной что-то случится, ничего не открывать и не выдавать.

— Согласна.

Вета повернулась ко мне.

— А вы не будете петь здесь без моего прямого разрешения.

Я хотела сказать «сегодня». Не смогла.

— До конца этого дня — не буду.

— Дальше решим снова.

— Да.

Орен забрал анонимное донесение в прозрачный пакет, выданный Ветой. Он получил копию видимых строк карточки, но не право на конверт.

— Я проверю вокзал, — сказал он. — Если трещина существует, вернусь с приказом комиссии.

— Приказ не станет согласием, — ответила я.

Он посмотрел на меня почти с жалостью.

— Когда увидите девятьсот семь имён, разница покажется вам роскошью.

— Нет. Тогда она станет труднее. Но не исчезнет.

Орен ушёл.

Рельсовый стук под полом затих. Карточка больше не дописывалась. Вета перенесла её вместе со стеклянной крышкой в пустую кассету «Исключённое» и заперла двумя ключами: своим и тем, который отдала Раде.

Ян ждал у выхода. На его рукаве не было серебряных полос. Оттого вопрос, который он задал, прозвучал не служебно.

— Вы можете сказать «потом»?

Я попробовала.

— Потом.

— «Раньше»?

— Раньше.

— Значит, исчезли слова, привязывающие время к вам. Не вся категория.

— Утешаете?

— Уточняю. Утешать без разрешения пока не решаюсь.

— Разрешаю попробовать.

Он задумался так серьёзно, что я невольно улыбнулась.

— Вы остановили собственный будущий голос, не объявив его врагом и не подчинившись ему. В моём времени вы учились этому гораздо дольше.

— Это утешение или ещё одна подсказка о будущем?

— Неудачная попытка утешения.

— Тогда засчитываю старание.

Рада вышла из комнаты с ключом на шее. Вета осталась составлять новый протокол, где отсутствие не означало согласия.

У лестницы я оглянулась. За стеклом кассеты белел шрам незаполненного имени. Теперь я знала: мой голос способен не только стирать запись. Он мог заставить пустоту принять первого названного человека за автора.

А значит, опасным было не только письмо.

Опасным становилось всякое слово, произнесённое заранее.

Глава 6. Право не читать

Трещина на северной галерее существовала.

Орен вернулся в каталог через два часа с каменной пылью на плечах и тремя инженерами. Старшая из них принесла кусок известняка, расколотый вдоль чёрной жилы. По её расчётам, арка могла простоять год. Или рухнуть от совпадения двух условий: полного зала и низкой ноты стационарного гонга.

Через три дня на Центральном вокзале ожидали праздничное прибытие северного состава. Девятьсот мест на трибунах, семь дежурных на галерее.

Девятьсот семь.

Число с карточки перестало быть угрозой из будущего. Оно получило лица, билеты и расписание.

Комиссию собрали там же, среди шкафов каталога. Вета отказалась переносить карточку в управление безопасности. Рада сидела рядом с кассетой «Исключённое», ключ висел у неё на шее. Ян стоял у окна без знаков инспектора. Ася Нор пришла последней и положила на стол приказ управления хора.

— Праздничную встречу можно отменить, — сказала я, прочитав заключение инженеров.

— Уже отменяем, — ответил Орен. — Людей на галерею не пустят, арку разгрузят, гонг снимут.

— Тогда письмо не нужно.

— Если донесение верно во всём. Но оно назвало один способ спасения: вы читаете письмо. Возможно, отмена и есть часть катастрофы.

— Возможно, чтение — её часть, — сказал Ян.

Орен бросил на него взгляд.

— Поэтому вы отстранены.

— Кем?

Ася развернула приказ.

— Совместным решением управления безопасности и Пограничного хора. Ян Север лишается доступа к письму, каталогу и Мире Вейне на время расследования вмешательства из будущего.

Последние слова были написаны так, будто я тоже являлась помещением, которое можно опечатать.

— Доступ ко мне я определяю сама, — сказала я.

Ася подняла глаза.

— Речь о служебном контакте.

— Тогда так и напишите.

— Мира, сейчас не время спорить о формулировках.

Я почувствовала пустоту на месте слова «сегодня». Она не мешала понять Асю. Даже помогала: когда привычные мосты времени исчезли, выражение «сейчас не время» стало видно целиком. Оно означало, что точность разрешена только после подчинения.

— Именно сейчас, — ответила я.

Вета подвинула приказ к себе и сделала пометку на полях.

— Возражение адресата внесено.

Орен положил рядом второй документ.

— Это разрешение на вскрытие первого письма в условиях непосредственной угрозы массовой гибели.

— Чьё разрешение? — спросила Рада.

— Комиссии безопасности.

— Письмо ей принадлежит?

— Письмо содержит средство спасения граждан.

— Вы уже спасаете их без письма, — сказала я. — Закрываете галерею.

— Мы уменьшаем известный риск. Не знаем остальных.

Он перечислил меры: перекрыть площадь, вывести поезда на запасные пути, временно запретить низкий гонг, разобрать три верхних ряда кладки. Всё это можно было сделать, не читая ни строки из моего конверта.

— Значит, делайте, — сказала Вета. — А вскрытие рассмотрим отдельно.

— На отдельное рассмотрение нет трёх дней.

— Есть достаточно времени спросить человека, чьим почерком написан конверт.

Все посмотрели на меня.

Я вспомнила предупреждение на пуговице Яна: если я попрошу открыть письмо — не верь просьбе. Будущая я предусмотрела собственное принуждение или собственную слабость. Но предупреждение тоже могло стать приказом из бу-

дущего, если позволить ему решать вместо меня.

— Я не разрешаю вскрывать письмо, — сказала я.

Орен не повысил голос.

— Даже зная число?

— Особенно зная. Кто-то выбрал число, которое должно лишить меня возможности отказать.

— Трещину выбрал не кто-то. Она реальна.

— Реальны и способы убрать людей с галереи.

— А если письмо предупреждает о втором обрушении?

— Тогда анонимное донесение намеренно скрыло его, чтобы подтолкнуть нас к конверту. Я не вознагражу такую схему.

Один из инженеров, молчавший у двери, кашлянул.

— Господин Даль, мы можем обследовать весь вокзал. Для этого письмо не требуется.

Орен повернулся к нему.

— За три дня?

— Основные конструкции — да. Если дадите людей.

— Дам.

На миг мне показалось, что спор закончился. Орен умел принимать практические решения; именно поэтому его доводы были опаснее простого упрямства. Он честно хотел спасти людей. И всякий раз выбирал для этого путь, на котором чужое согласие становилось помехой.

— Обследование начнётся немедленно, — сказал он. — Письмо всё равно будет вскрыто.

Рада встала.

— Тогда сначала придётся забрать ключ у меня.

— Ключ открывает кассету с карточкой, не защиту конверта.

— Но карточка называет каталог станцией. Без неё вы не знаете, где письмо станет доставленным.

Орен посмотрел на Яна.

— Зато он знает.

— И не скажет, — ответил Ян.

— Вы готовы отвечать за девятьсот семь смертей?

— Я готов отвечать за свои действия. За ваши — нет.

— Удобная нравственность.

— Неудобная. Поэтому вы и пытаетесь заставить меня от неё отказаться.

Ася ударила ладонью по столу не сильно, но хор привык слушать её жесты.

— Хватит. Мира, приказ управления даёт мне право потребовать аварийное исполнение, если нарушен звуковой шов.

— Шов не нарушен.

— Пока. Поезд под рекой подошёл ближе. Пять постов слышат колёса.

— И вы хотите открыть ему станцию?

— Я хочу знать партитуру до того, как она зазвучит.

— Не всякую партитуру нужно исполнять.

Ася отвернулась к окну. В её отражении я увидела уста-

лость, которую она обычно прятала за прямой спиной.

— Семнадцать лет назад, — сказала она, — на западном шве мы тоже спорили о праве не петь. Две певицы отказались от аварийной партии. Через разрыв ушёл жилой квартал.

Я знала ту историю. В официальной версии певицы опоздали к началу, а Ася одна удерживала строй до прибытия смены.

— Они отказались? — спросила я.

— Да.

— Почему?

— Одна была беременна. Вторая уже теряла имена детей после предыдущего исполнения.

— И вы записали, что они опоздали.

— Я сохранила их от суда.

— А заодно сохранили систему, которая потребовала от них петь.

Ася резко обернулась.

— Я удержала квартал почти одна.

— И имели право гордиться этим. Но не право стирать их отказ.

В комнате стало тихо. Рада смотрела на Асю иначе — не мягче, но внимательнее. За скрытым допуском проступал старый способ спасения: Ася исправляла запись, когда не могла исправить устройство мира.

— Вы думаете, право не читать письмо важнее жизнью?

— спросила она.

— Нет. Я думаю, это ложный выбор. Мы можем спасти людей и не позволять неизвестному автору управлять нами.

— А если не можем?

— Тогда я решу, какую цену плачу своим голосом. Не вы, не Орен и не моя будущая версия.

Орен подошёл к закрытой кассете.

— Госпожа Соль, как независимый хранитель вы обязаны учитывать общественную опасность.

— Учитываю.

— Ваш отец, возможно, оставил эту карточку именно ради предотвращения катастрофы.

Вета побледнела, но голос её остался ровным.

— Вы используете незавершённое имя как доказательство после того, как я отказалась его завершать.

— Я использую вероятность.

— Тогда называйте её вероятностью.

— Хорошо. Вероятно, Тавен Соль хотел спасти девятьсот семь человек.

— И вероятно, кто-то выбрал его имя, потому что мёртвый не может опровергнуть поручение.

Вета вынула из ящика чистый бланк.

— Моё решение как хранителя: письмо не вскрывать. Карточку не выдавать. До окончания обследования вокзала считать все предписанные письмом действия недобровольными.

Она подписала и передала лист Раде. Та поставила вторую

подпись.

Орен прочёл документ.

— Комиссия отменит ваше решение.

— Пусть отменяет письменно и указывает, кто принимает ответственность за насильственную доставку.

— Я укажу себя.

— Нельзя взять на себя чужое согласие вместе с ответственностью, — сказал Ян.

Орен повернулся к нему.

— Вы больше не консультант. Согласно приказу, покиньте каталог.

Ян посмотрел на Вету.

— Вы как хранитель требуете моего ухода?

Она прочла приказ ещё раз.

— Он законен в части служебного доступа. Да, требую.

— Тогда ухожу.

Он снял с пояса компостер и положил на стол.

— Это устройство связано с письмом. Оставляю хранителю до пересмотра допуска.

— Вы не обязаны, — сказала Вета.

— Обязан не пользоваться инструментом там, где у меня нет полномочий.

Ян расстегнул внутренний карман и достал костяную пуговицу. Несколько секунд держал её на ладони, затем снова убрал.

— Личный предмет остаётся у меня.

— Разумеется, — ответила Вета.

Он направился к двери.

Я понимала, что должна позволить ему уйти. Поддержка границы чего-то стоила только тогда, когда человек принимал последствия, а не требовал награды близостью. И всё же мысль о приказе, запрещающем ему «доступ ко мне», злила сильнее с каждой секундой.

— Ян.

Он остановился.

— Служебного доступа у вас нет, — сказала я. — Но я хочу поговорить с вами после комиссии. Не о содержании письма.

Орен нахмурился.

— Это может быть расценено как обход приказа.

— Тогда исправьте приказ. Я не служебный объект.

Ася взяла документ и вычеркнула моё имя из перечня закрытых объектов. Над строкой написала: контакты вне дела определяет самостоятельно.

— Так точнее, — сказала она.

Ян кивнул мне.

— Буду ждать снаружи.

— Где?

— На ступенях.

Он ушёл без компостера, без знаков и без права войти обратно. В комнате остался человек из будущего, но не физически: в наших правилах, страхах, новых словах. Именно от

этого влияния он пытался отказаться, и именно поэтому я ему поверила больше, чем прежде.

Орен потребовал поставить стражу у всех входов. Вета согласилась при условии, что ни один страж не получит ключ. Рада потребовала смены каждые два часа и отдельного списка людей, знавших о карточке. Инженеры ушли обследовать вокзал. Ася отозвала хор с вечерней репетиции и распределила певцов по пяти швам.

Мы сделали всё, что делают взрослые люди перед возможной катастрофой: проверили камень, закрыли опасное место, разделили ответственность, назначили наблюдение.

И не открыли письмо.

Когда комиссия закончилась, за окнами уже темнело. Мне хотелось сказать «сегодня был длинным», но утраченное слово не вернулось. Я сформулировала иначе:

— Этот день ещё не закончился.

— Возможно, он вообще не наш, — сказала Вета.

На карточке под стеклом появилась новая строка:

Отправление перенесено на ближайшую доступную станцию.

— Какую? — спросила Рада.

Вместо ответа в глубине шкафа щёлкнул невидимый компостер.

Все карточки разом выдвинулись из ящичков на ширину пальца. Их края сложились в белые линии, похожие на рельсы. Кассета «Исключённое» осталась закрытой, но за её зад-

ней стенкой открылось тёмное окно.

По ту сторону медленно проплывал вагон.

В освещённых купе сидели люди и писали письма. Некоторые перечёркивали строки, и тогда их лица менялись: становились старше, моложе, чужими. Другие держали перо над чистым листом, а за спиной у них стояли прозрачные фигуры и направляли руку.

На последнем окне белела табличка:

Станция не назначена. Посадка по отказу.

— Оно сделало отказ билетом, — сказала Вета.

Рада сжала ключ.

— Значит, не садимся.

Вагон прошёл. Окно в шкафу закрылось.

Но на полу остался плотный кремовый прямоугольник. Билет без названия станции. В строке пассажира было моё имя.

В строке сопровождающего — Вета Соль.

Третье имя проявилось медленнее:

Ян Север. Доступ аннулирован.

— Поезд знает о приказе, — сказала Рада.

— Или приказ был нужен, чтобы отрезать человека, который умеет различать его правила, — ответила Вета.

Она подняла билет щипцами. На обороте имелась схема посадки: не вокзал, не касса под рекой, а старый тоннель под зданием каталога. Время обозначалось отсутствующим словом — пустым местом между датой и часом.

Я не могла произнести «завтра». Пустота на билете откликнулась в горле.

— Это станция, привязанная к моей утрате, — сказала я. — Поезд придёт, когда я попытаюсь назвать следующий день.

— Не пытайтесь, — сказала Рада.

— Я и не собираюсь. Пока.

Вета перевернула билет.

— Мы можем исследовать тоннель до прибытия. Без вскрытия письма.

— И без Яна, — напомнила Рада.

Я посмотрела на оставленный им компостер. Законный приказ закрывал ему доступ к делу. Но сам маршрут вписал его имя, пусть и аннулированное. Если мы вернём его тайком, то подтвердим Орену, что правила нужны нам лишь до неудобства. Если оставим снаружи, войдём в устройство будущей почты без человека, который умеет читать его границы.

— Мы не будем обходить приказ, — решила я. — Потребуем открытого пересмотра на основании нового факта.

— Орен откажет, — сказала Рада.

— Тогда откажет письменно.

Вета кивнула.

— А до решения никто не входит в тоннель один.

Мы заперли билет в отдельный ящик. Рада осталась на первую смену, Вета — составлять требование о пересмотре.

Я вышла на ступени каталога.

Ян сидел под навесом. Дождь косо летел между колоннами, фонари отражались в мостовой длинными золотыми письмами, которые вода стирала раньше, чем я успевала прочесть.

Он поднялся.

— Письмо открыли?

— Нет.

Напряжение в его плечах ослабло.

— Вокзал?

— Закрывают и обследуют. Поезд назначил другую станцию.

— Каталог.

Это не было вопросом.

— Вы знали?

— В моей линии мы сели через кассу под рекой. Если маршрут изменился, ему нужен архив, способный сделать последствие прошлым.

— Вета подаст требование вернуть вам доступ.

— Орен не согласится.

— Тогда у нас будет его отказ, а не ваше предсказание.

Ян посмотрел на меня, и на этот раз всё-таки улыбнулся.

— Этому вы научили меня гораздо позже.

— Не говорите так.

Улыбка исчезла.

— Простите.

— Я не хочу всё время соревноваться с женщиной, которой могу стать. Особенно если вы заранее знаете её лучшие ответы.

— Я постараюсь не сравнивать вслух.

— И про себя?

— Про себя не обещаю невозможного. Но буду помнить, что вы — не ранняя версия её.

— А кто?

— Мира Вейна, с которой я познакомился в этом городе два дня назад. Хотя один из этих дней город отрицает.

У меня не было слова, связывающего следующий день со мной. Зато оставалось слово «потом».

— Потом нам, возможно, придётся войти в поезд.

— Вам не обязательно.

— Обязательно — если я сама решу. Это другое.

— Да.

Я протянула руку. Не для обещания и не для примирения с будущим. Просто хотела проверить, может ли между нами существовать прикосновение, которое ничего не предписывает.

Ян посмотрел на мою ладонь, словно спрашивая ещё раз. Потом вложил в неё свою.

Его пальцы были холодными от дождя.

Под землёй, глубже труб и фундамента, ночной поезд ответил одним далёким ударом колёс.

Он слышал не согласие на посадку.

Только то, что мы больше не собирались читать его расписание как приказ.

Межчасть I. Карточка вторника

Фонд: исключённые дни.

Единица хранения: второй день третьей седмицы дождей.

Прежнее название: вторник.

Дата: отсутствует между понедельником и средой.

Продолжительность: двадцать четыре часа для тех, кто утратил; неизвестно для тех, кто остался внутри.

Погодные условия: дождь после полудня; ветер западный; к вечеру прояснение, не подтверждённое ни одним живым свидетелем.

События, которые не произошли:

Мира Вейна не попросила сестру остаться к ужину.

Рада Вейна не ответила, что всё равно собиралась остаться.

Лета не сыграла новую мелодию на кухонной флейте.

Вета Соль не поехала к матери и не сообщила, что перестанет приезжать по воскресеньям.

Ася Нор не предъявила окончательный допуск на испытание эвакуационного протокола.

Орен Даль не подписал отказ от испытания.

Тавен Соль, умерший шестью годами ранее, не составил эту карточку.

События, которые произошли вследствие отсутствия дня:

Просьба Миры не была услышана и потому считается

невысказанной.

Ответ Рады не был дан и потому не может считаться согласием.

Мелодия Леты сохранилась без слов в Южном колоколе.

Письмо Веты осталось добровольно написанным и неотправленным.

Предварительный допуск Аси пережил окончательное решение.

Подпись Орена осталась на документе, который не вступил в силу.

Имя Тавена осталось незавершённым.

Основание исключения: предотвращение события, описание которого возникло после предотвращения.

Число спасённых: девятьсот семь.

Число лишённых выбора: не поддаётся подсчёту, поскольку часть выборов не была совершена.

Средство: письмо первое.

Содержание письма: не прочитано.

Адресат: отказалась.

Автор: ещё не решила написать.

Голос-посредник: не дал согласия быть средством.

Составитель карточки: Тав...

Примечание хранителя: незавершённое имя не является именем. Отсутствующий день не является согласием. Спасённая жизнь не является собственностью спасителя.

Маршрут хранения: каталог — тоннель — ночной поезд

— станция не назначена.

Условие выдачи: попытка назвать следующий день словом, которого нет.

Исправления:

Слово «отказалась» предлагалось заменить словом «не поняла».

Исправление отклонено.

Слово «не прочитано» предлагалось заменить словом «скрыто».

Исправление отклонено.

Слово «отсутствующий» предлагалось заменить словом «потерянный».

Исправление отложено до возвращения владельцу.

Состояние единицы хранения:

День не уничтожен.

День не возвращён.

День ожидает поезда.

Глава 7. Билет без станции

На обороте билета проступили ещё два имени.

Сначала — Вета Соль. Чернила легли ровно, как в каталожной карточке. Потом — Ян Север, но поверх его имени сразу прошла тонкая чёрная полоса. Не зачёркивание: служебная отметка, которая отменяла право и сохраняла обязанность.

Вета подняла билет с пола двумя картонными уголками.

— Посадка на троих, допуск у одного аннулирован, — прочла она. — Любопытная забота о правилах.

— Поезд их не соблюдает, — сказала Рада. — Он ими питается.

За дверью каталога ждал Ян. Страж не позволил ему войти, и мы вынесли находку в пустой читальный зал. Он не протянул к билету руку, пока Вета не положила его под стекло переносной рамки.

— Видели такие? — спросила она.

— Без станции — нет. У нас билет всегда указывал точку, в которой решение уже принято.

— У вас, — повторила я. — В той линии, которую вы помните?

— Да.

— А проводники?

Ян задержал взгляд на чёрной полосе.

— Они обслуживают маршрут, а не линию времени. Если это тот же состав, они меня узнают.

— Как инспектора?

— Как человека, который однажды его остановил.

Он сказал это без гордости. Скорее так признаются в поломке, которую не успели исправить.

— И не упомянули об этом комиссии, — сказала Вета.

— Комиссия проверяла моё происхождение и полномочия. Рассказ о поезде был бы показанием по делу, к которому меня допустили только как консультанта. Теперь меня не допустили вовсе.

— Удобно.

— Нет. Но законно.

Вета сняла очки и протёрла их краем рукава.

— Законно будет оставить вас на ступенях. Однако билет требует именно вас. Если мы решим войти, понадобится новый допуск — открытый, ограниченный и записанный до посадки.

— Если решите? — переспросила Рада.

— Каталог уже признан станцией. Мы можем ждать следующей попытки доставки здесь, рядом с первым письмом, или выяснить устройство маршрута там, где письмо ещё не стало приказом.

— А можем запечатать тоннель.

— Чем? Камнем? Песня прошла под рекой и сквозь шкафы. Запечатывать нужно не проход, а правило.

Рада посмотрела на меня. Её ключ лежал на груди поверх тёмного платья, тяжёлый и слишком новый.

— Ты хочешь туда.

— Я хочу понять, почему мой голос считается почтовым инструментом.

— Это не одно и то же.

— Знаю.

Мне действительно хотелось войти. Не из храбрости. Билет превращал неподвижное ожидание в унижение: неизвестный состав мог снова прийти к моему дому, хору, дочери Рады, к любому звуковому шву. Пока мы защищали конверт, кто-то прокладывал вокруг защиты новый маршрут.

Но желание догнать противника ещё не было решением.

— Без Леты, — сказала я. — И без певцов хора. Если поезд использует голос, я не приведу ему запасной.

— Без меня, — ответила Рада. — Потому что один ключ должен остаться снаружи.

Она произнесла это первой, не заставляя меня выбирать между сестрой и делом. Я коснулась её запястья.

— И ты закроешь станцию, если мы не вернёмся к рассвету.

— Закрою раньше, если карточка попытается назвать за вас решение.

Вета вернула очки на переносицу.

— Тогда сначала пересмотр допуска.

Мы снова собрали комиссию, хотя Орен уже уехал на вок-

зал, а Ася распределяла хор по постам. Ждать их возвращения означало позволить билету назначить момент самому. Вета воспользовалась правилом независимого хранителя: при появлении нового свойства угрозы она могла созвать временное заседание из тех, кто находился у защищаемого объекта.

В заседании участвовали мы пятеро, двое стражей и старший переплётчик каталога, разбуженный на рабочем диване. Орен отвечал по переговорной трубе с северной галереи. Его голос шёл с металлическим эхом.

— Я запрещаю посадку, — сказал он.

— На каком основании? — спросила Вета.

— Известный маршрут, неизвестная сторона, отсутствие связи. И отстранённый инспектор, которого поезд, по его словам, знает.

— Достаточно для запрета Яну. Не для запрета мне и Мире.

— Госпожа Соль, не заставляйте меня присылать стражу.

— В каталоге уже ваша стража. Она присутствует при заседании и слышит, что хранитель не передавала управление объектом.

Один из стражей отвернулся к окну, будто это могло сделать его отсутствующим.

Ян стоял у дальней стены. Чёрная полоса на билете стала гуще, когда он приблизился, и побледнела, когда отошёл. Поезд следил за границей нашего решения.

— Мне не нужен прежний служебный доступ, — сказал он. — Выдайте разовый допуск свидетеля: войти, распознать устройство и персонал, сообщать о риске. Без права распоряжаться письмами, пользоваться компостером и отдавать Мире указания.

— А выходить? — спросила я.

Он посмотрел на меня.

— Право выйти должно быть у каждого отдельно. Не по решению группы.

— Даже если выход одного оставит остальных?

— Особенно тогда. Иначе поезд предложит нам спасение ценой чьего-то согласия.

Слова были разумными. От этого становилось тревожнее: он знал, какое именно искушение предложит поезд.

— Что вы сделали, когда остановили его? — спросила я.

В комнате слышно было, как в трубе Орен отдаёт кому-то короткое распоряжение.

— Закрыл последний действующий узел, — ответил Ян.

— Маршрут лишился права доставлять письма в прошлое.

— И поэтому вы оказались здесь?

— Поэтому я думал, что оказался здесь.

— А теперь?

— Теперь вижу, что состав ушёл раньше закрытия. Он вёз служебный архив и людей, которые не признали приказ. Мы считали их погибшими.

На билете дрогнула чёрная линия.

Вета немедленно записала слова Яна в протокол.

— Вы предполагаете, что проводники принадлежат вашему будущему отделу?

— Часть из них. Остальные могли быть набраны по дороге.

— И вы всё ещё предлагаете взять вас внутрь?

— Я предлагаю не скрывать причину, по которой это опасно. Решение ваше.

Орен наконец вернулся к трубе.

— Решение отрицательное.

— Ваше мнение внесено, — сказала Вета. — Но билет лежит в моей рамке, каталог находится под моей ответственностью, а Мира не является объектом вашего доступа. Я разрешаю исследовательский вход при четырёх ограничениях.

Она перечислила их и записала каждое: никаких вскрытых писем; никаких решений за отсутствующих адресатов; никакого использования голоса Миры без её отдельного согласия; право любого участника прекратить действие и потребовать выход. Ян дописал пятое: любое знание о будущем считать сведением, а не приказом.

Я добавила шестое:

— Молчание не считается согласием.

Вета провела под строкой двойную черту.

Рада поставила подпись как второй хранитель. Ян — как временно допущенный свидетель. Я — как участница, а не средство доступа.

Когда Вета приложила протокол к билету, чёрная полоса поверх имени Яна рассыпалась точками. Осталась печать: ДОПУСК ОДНОКРАТНЫЙ. ПОЛНОМОЧИЯ НЕ ВОССТАНОВЛЕНЫ.

— Значит, поезд признаёт наши решения, — сказала Вета.

— Или научился выглядеть так, будто признаёт, — ответил Ян.

Тоннель нашли за задней стенкой секции «Исключённое». Шкаф не пришлось ломать. Переплётчик вынул нижний ящик, надавил на деревянную планку, и целая секция отъехала, открывая служебную лестницу. Каталог строили поверх старого речного вокзала, закрытого после Великого разлива. В плане здания лестницы не было, но на стене сохранилась табличка: «К платформам». Последнюю букву кто-то соскоблил, и слово выглядело незаконченным.

Рада осталась наверху с ключом, протоколом и свистком тревоги. Перед тем как секция закрылась, она обняла меня крепко и коротко.

— Не спасай меня будущую, — сказала она. — Я ещё ничего у тебя не просила.

— Не буду.

— И Лету.

— И Лету.

Только после этого она отпустила.

Мы спускались втроем: Вета впереди с лампой, я за ней,

Ян последним. На каждой площадке висел указатель, но названия станций были вымыты сыростью. Под ногами лежала сухая пыль, хотя за стеной текла река.

Через сорок ступеней исчезли звуки города. Через шестьдесят — эхо наших шагов. Каждый удар подошвы возвращался не повтором, а пропуском, словно тоннель отвечал отсутствующим четвёртым шагом.

Я остановилась.

— Слышите?

Вета подняла лампу. Ян замер на ступени выше.

Мы сделали ещё три шага. Четвёртый прозвучал впереди сам.

— Ритм вторника, — сказала я.

Потерянный день не сохранился в памяти, но тело узнало его размер. В колокольне Лета нашла такую же пустую долю: не тишину, а место, из которого вынули событие. Я коснулась горла. Слова времени по-прежнему не приходили, зато звук отсутствия был яснее любой даты.

— Билет требует попытки назвать следующий день, — напомнила Вета. — Не называйте.

— Я и не могу.

На языке возникло привычное движение, которым люди перебрасывают мост от одного утра к другому. Пустота болезненно сжалась. В глубине тоннеля ответили колёса.

Не слово открыло путь. Попытка.

— Оно считает намерение действием, — сказала Вета.

— Только когда ему выгодно, — ответил Ян. — Молчание на доставке оно считает согласием. Намерение назвать — названием. Отказ — посадкой.

— Поэтому наше шестое правило ему не понравится.

— Поэтому оно пропустило нас, чтобы оспорить правило внутри.

Лестница закончилась узкой платформой. Вместо рельсов под ней текла чёрная вода. Свод был выложен белым камнем, в котором мерцали обрывки надписей: часы приёма, объявления о концертах, детские записи на полях календаря. Все относились к потерянному вторнику и ни одна не складывалась в воспоминание.

Вета опустилась на корточки у края.

— Ни колеи, ни сигнального провода.

— Здесь поезд идёт не по расстоянию, — сказал Ян.

— А по чему?

— По подтверждённым последствиям.

Из тоннеля потянуло горячей бумагой и дождём. Колёса ударили три раза. Четвёртый звук снова отсутствовал.

— Мира, — сказал Ян, — нам нужна нота вторника. Не песня. Один звук, который покажет станции, что день существует, но не назначит событие.

— Это указание?

— Предложение свидетеля.

— Последствия?

— Поезд сможет остановиться. Возможно, услышит ваш

голос как право на доставку. Возможно, без ноты пройдёт сквозь платформу и попробует войти в каталог сверху.

Он не сказал, что я обязана. Ждал, пока Вета внесёт предложение и последствия в дорожную копию протокола.

Я попробовала вспомнить звук Южного колокола. Не мелодию, которой мы закрывали шов, и не чужой куплет. Только вибрацию металла после удара, совершённого в день, которого для города не было.

Нота получилась низкой и шероховатой. Я держала её три счёта, на четвёртом закрыла рот.

Пауза пошла по воде серебряной полосой.

Тоннель осветился окнами.

Поезд вышел не из темноты, а из отражения. Сначала в воде показалась крыша со множеством труб, затем окна, колёса и латунные ручки. Отражённый состав перевернулся без всплеска и оказался перед нами. На его боках не было номера. Вместо названия маршрута висела длинная строка из дат, которые менялись слишком быстро, чтобы их прочесть.

Дверь ближайшего вагона открылась.

Проводница стояла на подножке в сером пальто, застёгнутом на левую сторону. Её волосы были белыми, лицо — молодым, а на шее висели часы без стрелок. Она оглядела Вету, меня и остановилась на Яне.

Улыбка появилась не сразу.

— Инспектор Север, — сказала она. — Вы опоздали на собственное закрытие маршрута.

Ян не двинулся.

— Мои полномочия аннулированы.

— Здесь — нет.

Она достала из кармана узкий металлический знак. На нём было имя Яна и должность старшего инспектора Последнего почтового узла.

— Не принимайте, — сказала Вета.

— Я не собирался.

— Вы уже приняли, — возразила проводница. — Семнадцать лет спустя. Эта поездка всего лишь доставляет решение.

— Решение не существует, пока я его не приму.

— Тогда почему знак помнит вашу ладонь?

Металл качнулся на цепочке. Ян спрятал руки в карманы.

Проводница посмотрела на меня. Её вежливость была безупречной и оттого похожей на запертую дверь.

— Мира Вейна. Голос-посредник. В прошлый раз вы просили посадить его силой.

У меня похолодели пальцы.

— Я ничего у вас не просила.

— Ещё не просили.

— Значит, просьбы нет.

— В нашем вагоне она хранится.

Ян сделал шаг так, чтобы оказаться не впереди меня, а рядом.

— Личные сведения без согласия адресата не оглашаются.

— Вы сами составили это правило, инспектор. После того как прочли её письмо.

Его лицо осталось неподвижным. Только плечо возле моего напряглось.

Я могла спросить, какое письмо. Могла потребовать ответа немедленно и назвать это правом знать. Но поезд предлагал знание так же, как Орен предлагал спасение: сначала создавал невыносимую неопределённость, затем продавал единственный выход.

— Мы не обсуждаем ненаписанные просьбы, — сказала я. Проводница перевела взгляд на Вету.

— Независимый хранитель Вета Соль. Ваш отец оставил для вас место в служебном купе.

— Мой отец умер двенадцать лет назад.

— Именно поэтому место не занято.

Вета побледнела, но раскрыла дорожный протокол.

— Цель входа: осмотр маршрута и установление способа доставки. Вскрытие и получение личных писем не разрешены. Подтвердите возможность выхода каждого пассажира по отдельному требованию.

— Выход возможен на своей станции.

— Билет станции не содержит.

— Станцию назначит первое прочитанное письмо.

— Тогда мы не войдём, — сказала Вета.

Дверь за проводницей начала закрываться. Поезд не угрожал, не торопил, не показывал катастрофу. Он просто остав-

лял нам выбор между незнанием и входом по его условию.

Я услышала под стук колёс ещё один звук. Тонкую вибрацию стекла, повторявшую ноту потерянного вторника. Поезд уже стоял на станции. Письмо не требовалось ему для остановки — только для того, чтобы назвать наш выход.

— Условие ложное, — сказала я. — Станция здесь.

Проводница задержала дверь ладонью.

— Здесь нет дня.

— Но есть его звук.

Я повторила ноту, короче, и оставила четвёртую долю пустой. Белые надписи на своде вспыхнули. На миг среди них проступило название платформы:

ВТОРНИК. БЕЗ НАЗНАЧЕННОГО СОБЫТИЯ.

Вета немедленно вписала его в билет. Бумага приняла чернила. На лицевой стороне появилась станция посадки, а строка выхода осталась пустой.

— Мы устанавливаем обратный выход здесь же, — сказала она.

— Невозможно вернуться в непрожитый день, — ответила проводница.

— Мы уже в нём стоим.

Вета написала вторую строку. На этот раз чернила собрались каплями и попытались стечь с бумаги. Я удержала ноту, не повышая голоса. Пауза после неё стала границей, за которую поезд не мог протянуть чужое слово.

Надпись закрепилась:

ВЫХОД ПО ЛИЧНОМУ ТРЕБОВАНИЮ ПАССАЖИРА.

Проводница перестала улыбаться.

— Вы меняете билет после выдачи.

— Исправляем незаполненное поле до принятия услуги,

— сказала Вета.

Ян едва заметно кивнул. Не одобрил за неё — признал точность.

Проводница отступила с подножки.

— Тогда входите, пока день согласен вас помнить.

Вета ступила первой. Билет в её руке разделился на три части, и одна легла мне в ладонь. Бумага была тёплой, как кожа после сна.

Я поставила ногу на подножку и оглянулась на пустую платформу. Где-то далеко над нами Рада держала ключ от каталога. Лета, вероятно, сидела у колокола и записывала паузы. Их не было рядом, но впервые отсутствие не означало потерю. Оно означало, что кто-то остался снаружи и мог сказать за себя.

Ян вошёл последним.

Как только его подошва коснулась пола вагона, по коридору один за другим открылись двери купе. Из них вышли проводники — мужчины и женщины в серых пальто разных времён. Молодые с лицами стариков, старые с детскими косами, один совсем без возраста. Каждый держал два пальца у груди, повторяя служебное приветствие.

— Старший инспектор Север, — произнесли они одновременно.

Ян вынул руки из карманов и показал пустые ладони.

— Полномочий не принимаю.

Проводники опустили руки, но двери купе остались открыты.

Внутри лежали письма. Тысячи конвертов шевелились от нашего дыхания. На ближайшем проступало моё имя, на следующем — имя Веты, дальше — Рады, Леты, Аси. Ещё дальше повторялось имя Яна, каждый раз другим почерком.

Состав тронулся, хотя платформа за окнами не сдвинулась.

Проводница заперла наружную дверь и повернула часы без стрелок циферблатом к нам.

— Добро пожаловать на служебный маршрут, — сказала она. — До первой вероятности четыре вагона. До вашего прошлого, инспектор, — один.

И дверь первого купе, где лежали письма Яна, распахнулась шире.

Глава 8. Вагоны черновиков

Первое купе не принадлежало Яну, хотя его имя повторялось на каждом конверте.

Письма лежали на полках, в сетках для багажа и прямо на сиденьях. Одни были запечатаны красным воском, другие сложены вчетверо без конверта, третьи ещё не отделились от листов бумаги. Почерк менялся у меня на глазах. Острые буквы становились круглыми, чернила бледнели, адрес переползал с одного угла на другой.

Ян остался в коридоре.

— Дверь открылась для вас, — сказала проводница.

— Это не означает согласия войти.

— Там служебная корреспонденция.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.